

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ИЛИ МИРОВАЯ АНАРХИЯ?

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ СИСТЕМУ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 18 / 2014

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2014

УДК 327:303.8

ББК 66.4в

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Автор:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; канд. полит. наук **Е.С. Алексеенкова**; **Л.В. Филиппова**; **Д.М. Хаспекова**

Тимофеев, И.Н.

Т41 Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. № 18/2014 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М. : Спецкнига, 2014. — 48 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-91891-374-1

Рабочая тетрадь представляет программу исследования современного мирового порядка. Проводится ре-визия теоретических подходов к анализу международных отношений, определяются его направляющие параметры. С помощью методов математического моделирования выявляются структура современного мирового порядка и особенности его динамики. Рассматриваются возможные направления политики России в меняющейся международной среде.

УДК 327:303.8

ББК 66.4в

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции автора и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper18

Содержание

Введение. Постановка проблемы	4
1. Мировой порядок или мировая анархия? Ответы политической теории	6
1.1. Порядок против анархии: либеральный подход	7
1.2. Марксистский ответ: отчуждение, неравенство и империализм	8
1.3. Консервативный ответ: мощь, сдерживание и здравый смысл	10
1.4. Мировой порядок: системно-структурная перспектива	12
2. Мировой порядок в статике: структура, система и управляющие параметры	18
2.1. Управляющие параметры мирового порядка	18
2.2. Параметры мирового порядка: операционализация	20
2.3. Структура и система мирового порядка	21
3. Динамика мирового порядка	31
3.1. «Волки и зайцы»: проблема дефицита ресурсов	31
3.2. Процесс Ферхюльста — модель динамики мирового порядка	33
3.3. Динамика мирового порядка: параметр развития	35
3.4. Динамика мирового порядка: параметр мощи	39
Заключение. Будущее России в мировом порядке: консервативная внешняя политика?	44
Об авторе	46

Введение. Постановка проблемы

Текущее обострение международных отношений вновь поставило целый ряд вопросов о современном мировом порядке. Какова иерархия центров силы на мировой арене? Что собой представляет структура и система современного мироустройства? Что является «валютой» международного влияния и какие ресурсы определяют место отдельных стран в мировой иерархии? Как именно распределяются эти ресурсы — каков баланс «жесткой», «мягкой» и экономической силы между ключевыми игроками? Какие возможности дает сложившийся или складывающийся мировой порядок отдельным державам? И, наконец, почему отдельные государства ведут себя на международной арене тем или иным образом — выбирают военные или мирные действия, формируют коалиции или разрушают их, борются за статус-кво или стремятся к его нарушению?

Понимание системы и структуры современных международных отношений и, что более важно, характера их изменений — мощный объяснительный инструмент в руках ученого-международника. Он позволяет осмыслить и объяснить, почему отдельные государства ведут себя тем или иным образом, какие условия и рамки определяют их стратегический выбор, каков спектр возможных сценариев в существующих рамках мирового порядка.

Серьезный политический кризис в отношениях России и Запада, целый ряд проблем в других регионах мира (начиная с «арабской весны» и заканчивая набравшей обороты гонкой вооружений в АТР) сигнализируют о вероятной встряске мирового порядка. В складывающихся условиях важно понимать его параметры, состояние и потенциал отдельных игроков, характер и направления его динамики.

Цель данной работы — наметить методологию и программу исследования современного мирового порядка. Такая программа обозначена как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Также показана возможность исследовать мировой порядок не только на уровне статике, но и на уровне динамики. Последнее особенно важно, учитывая скорость и характер изменений международной обстановки.

Конечная цель подобной программы носит прикладной характер. Необходимо научиться предсказывать кризисные ситуации в международных отношениях. Это позволит заранее готовить пути их разрешения или по меньшей мере снижать их негативный эффект.

Очевидно, что достижение этой цели во многом сходно с прогнозированием биржевой динамики — и в том, и в другом случае мы имеем дело с ярко выраженными нелинейными процессами, обострение которых часто носит резкий, взрывной, неожиданный характер. Сложность прогнозирования этих процессов, с одной стороны, определяется их многофакторностью. В каждом конкретном случае набор факторов или их сочетание может быть уникальным, что затрудняет использование опыта одних ситуаций для анализа других. Сложным системам свойственно «забывать» опыт прошлого, что обесценивает существующие факторные модели, заставляет пересматривать их.

Однако это лишь часть проблемы, причем не самая существенная. Ученые–международники, как правило, имеют достаточно глубокое представление о факторах, которые потенциально могут привести к встряске мирового порядка или его отдельных элементов. Тем не менее обострение ситуации нередко является для них сюрпризом. Равно как и для заинтересованных структур и ведомств. Проблема в том, что понимание противоречий и знание конфликтогенных факторов самих по себе далеко не всегда помогает ответить на вопрос, почему они приводят к обострению ситуации в определенный момент времени. Кризисная ситуация часто носит характер катастрофы: плавное изменение управляющих параметров в некоторой критической точке резко ускоряется и приводит к внезапному, лавинообразному изменению обстановки. Знание о наличии этих параметров необходимо, но оно не дает представления о том, когда именно эти параметры приведут к обострению. У этой проблемы есть и другая сторона, показывающая соотношение «больших факторов» и случайностей–флуктуаций — почему в одних случаях ситуация обостряется в результате действия случайностей или их последовательности, а в других остается нечувствительной к ним? Данный вопрос можно поставить и в связи с соотношением ролей акторов и структур: почему в одних случаях действия акторов имеют существенный резонанс, а в других как бы поглощаются структурой?

Центральная гипотеза предлагаемой исследовательской программы состоит в том, что риск обострения сложившихся противоречий определяется характером динамики мирового порядка. В разных динамических режимах один и тот же набор факторов может дать принципиально разные результаты. Риск кризисной ситуации существенно возрастает в том случае, если динамика приобретает хаотичный характер или изменяется с высокой степенью интенсивности. Одним из ключевых признаков подобной динамики является обострение дефицита ресурсов, рост давления ресурсных ограничений. Хаотизация динамики приводит к росту неопределенности, порождает состояние неустойчивости системы. Обострение дилеммы безопасности в отношениях между ведущими центрами силы является политическим следствием высокой неопределенности и неустойчивости. В итоге ситуация становится уязвимой перед воздействием даже самых незначительных факторов и флуктуаций, способных спровоцировать ее резкую и необратимую эскалацию.

В предлагаемой работе представлен возможный алгоритм проверки данной гипотезы и обозначены ключевые составляющие исследовательской программы. Прежде всего даны теоретические рамки исследования современного мирового порядка с акцентом на нормативные теории, с одной стороны, и системно–структурные теории — с другой. Эта часть принципиально необходима, так как современные дискуссии о мировом порядке во многом игнорируют нормативную политическую теорию. Между тем без подобной теории вряд ли возможны (а) расшифровка уже имеющихся представлений о мировом порядке и (б) предложение новых политических альтернатив.

В рабочей тетради представлен подход к исследованию мирового порядка в статике с акцентом на его управляющих параметрах. Наконец, обозначена методология исследования динамики мирового порядка и даны пояснения выдвинутой гипотезы на уровне конкретных математических моделей.

1. Мировой порядок или мировая анархия? Ответы политической теории

Обсуждение вопроса о мировом порядке целесообразно начать с отсылки к одному из базовых допущений теории международных отношений (МО): международные отношения по своей сути являются анархичными. Иными словами, природа международных отношений изначально предполагает отсутствие порядка как такового. Порядок в международных отношениях — вещь противоестественная, а его наличие в текущей конфигурации — явление временное.

Над любым мировым или международным порядком постоянно довлеет угроза анархии — естественное состояние «войны всех против всех», где единственным способом выживания является сила в широком смысле этого слова. Государство способно защититься от посягательств другого государства, только противопоставив его силе адекватный ответ, сделав посягательство на свой суверенитет слишком дорогим и невыгодным для агрессора. При этом на определенном этапе оно само может превратиться в агрессора, используя свой силовой потенциал в агрессивных намерениях.

Представления об анархичной природе международных отношений уходят корнями в политическую теорию государства и — конкретно — в теорию общественного договора. Государство — инструмент укрощения анархии. Это средство установления порядка, где «война всех против всех» пресекается правом и монополией государства на насилие. Именно такая монополия делает право действенным в границах определенной территории.

Однако решение проблемы анархии на уровне государства неизбежно порождает анархию в отношениях между государствами. Основная проблема — отсутствие «глобального» суверена, который мог бы регулировать отношения между государствами, принуждать их к миру и обеспечивать порядок в отношениях между ними. Отсутствие монополии на насилие в глобальном плане во многом обесценивает международное право и попытки упорядочить международные отношения.

Анархия в свою очередь порождает состояние неопределенности — государство А не имеет полной информации о потенциалах и намерениях государства Б. Следовательно, оно никогда не должно сбрасывать со счетов вариант враждебных действий в свой адрес и должно быть готово к «худшему сценарию».

Подобная логика была выстроена еще в XVII веке в работах Томаса Гоббса¹ и является одной из базовых составляющих современной теории международных отношений. Теории МО отличаются друг от друга предлагаемыми способами решения проблемы, но все они сходятся в том, что анархия и дилемма безопасности — объективная предпосылка международных отношений. Поиск решения проблемы анархии стал мощным стимулом раз-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — Гл. XVII, XXIX. — М.: Мысль, 1991.

вития теории МО. Естественно, категория порядка стала здесь одной из ключевых.

На полях отметим, что вопрос о мировом или международном порядке долгое время находился и до сих пор находится в поле нормативной политической теории. Этот аспект, как правило, упускается из виду в современных дискуссиях о мировом порядке. Мы рассуждаем об иерархии, балансе сил, кризисах, войнах, санкциях и международном праве, не вдаваясь в концептуальные основы этих понятий. Между тем в рамках нормативной политической теории давно сформулированы данные понятия в качестве инструментов легитимации представлений о должном порядке и устройстве международных отношений.

1.1. Порядок против анархии: либеральный подход

Один из наиболее влиятельных нормативных подходов к решению проблемы анархии предложен представителями либеральной мысли. Основополагающий постулат либерализма — представление о человеческом разуме и рациональности как о мощной преобразующей силе. Если человеческому разуму под силу организовать правовое государство, то он вполне может рационально организовать международные отношения. Иными словами, подчинить анархию порядку. Как это сделать? Перенести принципы рациональной организации государства на уровень международных отношений.

Во-первых, путь к порядку на международной арене лежит через рациональное устройство самих участников международных отношений, то есть государств. Под таким устройством подразумевается правовое государство, институты которого позволяют гражданам участвовать в политике и влиять на нее. То есть речь идет о демократии. Логика связи демократии и международных отношений проста. Граждане, как считают либералы, не заинтересованы в войне. Зачастую войны развязываются правителями против их воли. Если же правительство подотчетно гражданам, то оно будет в гораздо большей степени ограничено в принятии решений о войне, нежели правительство авторитарного государства. Государство должно иметь достаточно ресурсов, чтобы отстоять свой суверенитет, защититься от «государств-хищников». Но в демократическом государстве правительство будет ограничено волей граждан, в случае если оно попытается развязать войну из иных соображений. Внутренняя трансформация государств, их превращение в демократии — первый способ достижения порядка на международной арене.

Во-вторых, следует создать максимально благоприятные условия для международной торговли и экономической взаимозависимости. Активно торгующие друг с другом государства вряд ли будут заинтересованы в войне (то есть в нарушении порядка). Ведь разрушение торговли приведет к убыткам. Кроме того, внутри государств сложится влиятельное коммерческое лобби, которое будет ограничивать политические амбиции своих правительств.

В-третьих, порядок в международных отношениях требует создания общих для всех государств правовых норм и международных институтов. Одна из

основополагающих норм и институциональных процедур — санкции и система наказания «государств–хищников», нарушающих мировой порядок. Необходимость институтов, позволяющих государствам объединяться против агрессора и тем самым лишать любое государство стимула к агрессии, была концептуализирована еще в XVII веке².

Итак, либеральная схема обеспечения порядка в международных отношениях подразумевает так называемый «треугольник мира»: демократия, торговля, международные институты³. Она исключает устойчивый мировой порядок, основанный на силе, — такая конструкция будет неустойчивой, так как не будет решена проблема анархии. Сильный рано или поздно ослабнет, и временный мир вновь сменится «войной всех против всех». Сила нужна для обеспечения международного права. Только в этом случае она будет конструктивной и перестанет порождать анархию.

Либеральная политическая теория, чрезвычайно влиятельная по сей день, подверглась мощной перекрестной критике со стороны двух других базовых политических теорий — марксизма и консерватизма.

1.2. Марксистский ответ: отчуждение, неравенство и империализм

Так же как и либералы, марксисты исходят из решающей роли человеческого разума в преобразовании мира. Война и анархия — проявление дефектов социального устройства. Его разумное исправление — залог решения проблемы. Но если для либералов основным инструментом является коррекция политического режима (демократии не воюют), то для марксистов само наличие государства является условием нарушения порядка. В идеале — исчезновение государства должно решить и проблему анархии в международных отношениях, равно как и проблему естественного состояния внутри государства. Ведь корень естественного состояния — собственность. Исчезновение собственности и неравенства автоматически приводит и к решению вопроса о естественном состоянии.

На деле сам К. Маркс и его многочисленные последователи не спешили сбрасывать государство со счетов. Государство, будучи надстройкой, может оказывать серьезное влияние на базис социально–экономических отношений, выступать самостоятельной силой со своими собственными интересами⁴. Нео–марксисты (прежде всего Антонио Грамши и Никос Пуланзас)⁵ существенно развили этот тезис, ставя либеральную аргументацию под большой вопрос.

² Знаковыми можно считать работы Уильяма Пенна, Шарля Де Сент–Пьера, Жан–Жака Руссо и др. См. подробнее: Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. — М.: Соцгиз, 1963.

³ «Треугольник мира» был сформулирован Иммануилом Кантом. Сегодня трудно найти исследование влияния факторов режима, торговли и международных организаций, в котором не было бы ссылки на его знаменитое эссе. См.: Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 6 т. — Т. 6. — М.: Мысль, 1966.

⁴ См., например: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. — Т. 8. Этот тезис также обозначен в работе Т.А. Алексеевой. См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. — М.: Росспэн, 2001. — С. 39.

⁵ Грамши А. Тюремные тетради // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / Под ред. Т.А. Алексеевой. — Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в. — М.: Мысль, 1997; Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / Под ред. Т.А. Алексеевой. — Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в. — М.: Мысль, 1997.

Демократии не воюют, потому что граждане ограничивают правительство? «Ничего подобного», — сказали бы неомарксисты. Рано или поздно даже демократические институты бюрократизируются. «Железный закон олигархии» Р. Михельса приводит к тому, что изначально открытая система становится все более закрытой и олигархической, хотя и сохраняет на уровне процедур инструменты ротации. Иными словами, такое правительство рано или поздно добивается автономии от граждан, обретает собственные интересы. И, что более важно, имеет доступ к инструментам влияния на самих граждан. Среди таких инструментов — система образования и СМИ, которые позволяют формировать в общественном мнении нужный образ врага и влиять на поддержку тех или иных решений. Национализм становится мощным инструментом мобилизации для решения внешнеполитических задач даже у вполне демократического правительства.

Залогом международного порядка является торговля? И здесь неомарксисты ответят «нет». Мировая экономика и международная торговля — это арена конкуренции. По мере своего укрупнения бизнес будет пытаться использовать политические ресурсы своего государства для того, чтобы выиграть конкуренцию. Интересы государства и бизнеса срачиваются, а политические инструменты (включая насилие и войну) используются для завоевания ресурсной базы или новых рынков. Этот гибридный механизм работает для подавления более слабых, равно как и во внутренней политике государство может выступать мощным инструментом подавления и угнетения. Международная торговля, таким образом, делает международные отношения еще более анархичными, так как речь идет о переделе мира в условиях империализма, то есть в условиях срачивания капитализма и имперских амбиций государств⁶. Глобализация и международное разделение труда смягчают проблему, но не решают ее в корне.

Тезис о том, что коммерческое лобби сможет ограничивать правительство в его внешней политике, также спорен. Бюрократия рано или поздно превращается в самостоятельную силу. Полагать, что она является игрушкой в руках собственников, ошибочно. Она может навязывать им свои правила игры, мешать их консолидации, поддерживать одних в ущерб другим — в общем, успешно сопротивляться консолидированному влиянию бизнеса.

Международные нормы и институты могут обеспечить порядок в международных отношениях? Теоретически — да. Но практически два вышеназванных факта — изъяны устройства государства и его роль в международной торговле — делают такие институты весьма условными. Более сильные игроки будут выстраивать международные нормы и организации в своих интересах либо манипулировать ими в процессе их работы. В таком виде институты вряд ли решат проблему равенства. То есть в итоге будет порядок сильного. Но такой порядок не решает проблему анархии, так как рано или поздно появятся новые претенденты на господство.

Важно понимать, что разница между либеральным и марксистским представлениями о мировом порядке состоит в понимании справедливости. Обе теории сходятся в том, что мировой порядок можно выстроить путем со-

⁶ См., например: Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — Т. 27.

циальной инженерии — создания особого типа справедливого общества и институтов. Однако для либералов справедливость связывается с демократическим устройством государства, рациональной организацией капиталистической экономики и переносом принципов правового государства на уровень международных отношений. Мировой порядок без анархии — результат общественного договора государств, аналогичный общественному договору внутри правового государства. Для марксистов либеральные рецепты не являются гарантией справедливости. Ее достижение требует рациональных, но гораздо более глубоких изменений природы государства, экономики и общества. Среди них — решение проблемы отчуждения продуктов труда наемных работников собственниками и отчуждения власти граждан государством. По сути, речь идет о ликвидации базовых издержек капитализма (в виде эксплуатации) и бюрократического государства (в виде угнетения). Без них честный общественный договор, заключенный за «вуалью неведения», невозможен.

1.3. Консервативный ответ: мощь, сдерживание и здравый смысл

Консервативная политическая теория дала принципиально иной взгляд как на природу анархии, так и на возможные пути ее укрощения. А значит, принципиально другой является и консервативная концепция порядка в международных отношениях. В современной теории международных отношений консервативная мысль представлена преимущественно реализмом и его производными.

Прежде всего реалистами подвергается сомнению вера в безграничные возможности человеческого разума. Ограниченность рациональности и социальной инженерии — столь же фундаментальный принцип для консерваторов, сколь фундаментальной и основополагающей является вера в разум и прогресс у либералов и марксистов. Социальный мир (и международные отношения в том числе) слишком сложен для того, чтобы поддаваться «рациональным» экспериментам⁷. Вместо разума во главу угла ставятся здравый смысл и политическая мудрость, своего рода смесь прагматизма и традиции, открытости новому опыту и самого пристального внимания к истории и «корням». Отсюда и подход к изменениям международного и в целом социального порядка. Изменения должны быть постепенными и осторожными. Попытка всеобъемлющей революции в соответствии с тем или иным рациональным «планом» обречена на провал просто в силу сложности социального мира. К тому же за институтами всегда стоят культура и историческая традиция. И если первые можно изменить в одночасье, то вторые могут функционировать в своей логике столетиями⁸. Таким образом, для либералов и марксистов мировой порядок субъективен — он поддается

⁷ Достаточно ярко это положение обозначено в работах Рейнгольда Нибура, который для многих реалистов до сих пор является интеллектуальным авторитетом. Р. Нибур прежде всего критикует социалистическую веру в безграничность разума. См.: Niebuhr Reinhold. *The Irony of American History*. — Chicago: The University of Chicago Press, 2008. — P. 4; Niebuhr Reinhold. *Ideology and the Scientific Method // The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses*. McAfee Robert Brown (ed). — New Haven: Yale University Press, 1986. — P. 205–210.

⁸ Антропологический пессимизм — одно из базовых допущений также и в работах Ганса Моргентау. Объектом его критики стала либеральная политическая теория. См.: Morgenthau Hans. *Scientific Man vs. Power Politics*. — Chicago: University of Chicago Press, 1946. — P. 51–52.

проектированию и последующему строительству. Тогда как для консерваторов (реалистов) он объективен — политические лидеры принимают решения в уже сложившихся условиях и могут изменить часть, но не целое. В сухом остатке: в международных отношениях нет места социальным инженерам и идеологиям. Вместо них — государственные деятели (*statesmen*), руководствующиеся опытом, политической мудростью и здравым смыслом⁹.

С позиции консерваторов принципиально ошибочно представление либералов и марксистов о том, что политический режим и внутривнутриполитическое устройство государства влияют на его внешнюю политику. Движущая сила внешней политики — национальный интерес, выражаемый в стремлении максимизировать свою мощь для достижения безопасности и увеличения богатства. Внешнеполитический интерес одинаков как для демократий, так и для автократий. Следовательно, на международной арене они будут вести себя одинаково. Если демократии потребуются добиться реализации конкретных материальных интересов, на международной арене она будет действовать столь же жестко и принципиально, как и автократия. Гражданский контроль здесь не имеет ровно никакого значения.

Экономика и международная торговля тоже вряд ли решат проблему анархии. Каждое государство или коалиция государств стремится получить для себя максимально выгодное положение в международной торговле и распределении ресурсов. И зачастую это игра с нулевой суммой, где кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Следовательно, экономика — просто одна из сфер конкуренции государств на мировой арене. Экономический потенциал — одна из составляющих силы государства. А собственно военная сила — один из способов добиться выгодного для себя положения в мировой иерархии.

Мировой порядок и его структура вряд ли могут определяться международным правом и институтами. Напротив, мировой порядок и его иерархия определяются силой, а точнее, соотношением силовых потенциалов ключевых игроков. Под силой, конечно, понимается не только военная мощь, но также экономический и человеческий потенциалы, сила идей и механизмов их распространения¹⁰.

Может ли подобный мировой порядок решить проблему анархии? Конечно, нет. Анархия в принципе не может быть удалена из международных отношений. Единственное средство укрощения анархии и сохранения мирового порядка — силовое сдерживание потенциальных претендентов на господство¹¹. Но подобное сдерживание не будет бесконечным, и рано или поздно мировой порядок подвергнется встряске. Ее результатом станет появление новых центров силы со своими правилами игры.

Иными словами, анархия и порождаемая ею неопределенность являются

⁹ Ibid. — Coverpage.

¹⁰ См., например: Carr Edward. *The Twenty Years' Crisis*. — London: Palgrave, 2001. — P. 102–120. Следует также отметить его внимание к контролю над общественным мнением. Пропаганда также рассматривалась Э. Карром в качестве ресурса международного влияния. Он вполне конкретно отразил возросшую роль информации в международных отношениях, увязав эту составляющую с военными и экономическими вопросами (Ibid. — P. 120–130).

¹¹ См., например: Моргентхау Г. *Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова*. — М.: Гардарики, 2002. — С. 72–88.

структурной особенностью международных отношений. Важным следствием этого допущения является то, что значимым мотивом поведения государства на международной арене является страх. Да, государства преследуют на международной арене свои интересы. Но не менее важной мотивацией их поведения является страх агрессии или враждебных действий со стороны других. Подобный страх порождается неопределенностью — отсутствием полной картины о намерениях и потенциалах контрагентов. В этих условиях конфликт происходит даже тогда, когда стороны объективно не заинтересованы в нем. Ведь в условиях незнания до конца о намерениях другой стороны разумной стратегией становится попытка превентивных действий — «убей или погибни». Так называемый «гоббсовский страх» вполне может заставить государства действовать напористо и агрессивно даже тогда, когда сотрудничество или нейтралитет более выгодны¹².

1.4. Мировой порядок: системно–структурная перспектива

Нормативные теории стимулировали появление целого ряда производных, которые подходили к международным отношениям либо с точки зрения агента, либо с точки зрения структуры. В первом случае во главу угла ставится изучение специфики принятия решений конкретного государства в тех или иных условиях. Во втором внимание концентрируется на системе международных отношений, образуемых государствами и иными акторами, а также на структурных особенностях такой системы. Предполагается, что особенности системы задают рамки поведения государств на международной арене. То есть через особенности системы международных отношений можно объяснить поведение отдельного государства. Очевидно, что понятие мирового порядка удобнее концептуализировать с точки зрения системно–структурных теорий. Примечательно, что у каждой из упомянутых выше нормативных теорий оказался свой системно–структурный вариант уже на уровне эмпирической политологии. Эти варианты отработывались приблизительно с последней четверти XX века и сохраняют свое влияние вплоть до настоящего времени.

Либеральное крыло теории МО сделало акцент на выдающейся роли экономической взаимозависимости в снижении анархичности международной среды. Глобализация, отмирание торговых барьеров в отношениях между развитыми странами, разделение труда между ними породили принципиально новые структурные особенности международных отношений. Новая структура перевела экономическую конкуренцию в иную плоскость, оторвав ее от инструментария силовой политики (опять же применительно к развитым странам). Тем самым существенно снизилась конфликтность, которая была выведена на периферию международных отношений. Государства стали образовывать сетевые структуры, которые пришли на смену иерархичным имперским или квазиимперским моделям. Случайно или нет, но большая

¹² Здесь примечательны концепции дилеммы безопасности Джона Хертса и Герберта Баттерфилда. Они исчерпывающе описаны в работе Кеннета Буса и Николаса Вилера. См.: Booth Ken, Wheeler Nicholas. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. — N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. — P. 1–18. Также необходимо упомянуть идеи Роберта Джервиса. См.: Jervis Robert. *Cooperation Under the Security Dilemma* // Art Robert and Waltz Kenneth (eds.). *The Use of Force*. — New York: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009. — P. 44–71. (Работа первоначально опубликована в 1978 г. в журнале *World Politics*.)

часть государств, образующих данные структуры, либо оказались «старыми демократиями», либо осуществили успешный переход к демократии. Появилось большое число международных организаций. Членство в них дает беспрецедентные возможности коммуникации, а значит, снижает «гоббсовский страх» и неопределенность в отношениях между государствами¹³. Само явление силы диверсифицировалось — именно либералам принадлежит авторство концепта «мягкой силы». Исторический момент конца XX и начала XXI века, казалось бы, давал серьезные аргументы в пользу либеральных постулатов «треугольника мира»: конец истории в версии Фрэнсиса Фукуямы, торжество свободы и прогресса, однополярный и при этом демократичный мир.

Но что делать с конфликтной и проблемной периферией? Происходящие там процессы до конца не вписываются в логику либеральной мысли. Силловые действия развитых стран на периферии давно стали нормой, а ее конфликтный потенциал, по всей видимости, становится все более серьезным. Между тем периферия является частью мирового порядка, а ее проблемы вполне могут нарушить его стабильность.

Эта лакуна оригинально заполняется неомарксистскими системно-структурными теориями. Наиболее заметное место в их числе занимает мирсистемный подход Иммануила Валлерстайна. В западной политической мысли он во многом оказался маргинальным, однако в России был воспринят вполне серьезно. Мировой порядок концептуализируется И. Валлерстайном в терминах капиталистической мирсистемы. Под ней понимается система, образуемая положением государств во всемирном разделении труда¹⁴. Структурно она состоит из сердцевины, полупериферии и периферии. Капитал и производства с высокой добавленной стоимостью концентрируются в сердцевине, тогда как периферия представляет собой ресурсную и сырьевую базу.

Здесь опять же важна роль государства. В сердцевине интересы государства и капитала совпадают. Тогда как на периферии сильное государство вредит интересам бизнеса. Любые попытки протекционизма или регулирования в национальных интересах вредят как потребителям в сердцевине, так и производителям самого периферийного государства¹⁵. Поэтому слабая государственность — ключевая проблема периферийных государств. В ней заинтересованы как сильные игроки в сердцевине, так и собственные (зачастую компрадорские) элиты периферийного государства. По большому счету, здесь работает механизм отчуждения от периферии к сердцевине, описанный К. Марксом применительно к капиталистической экономике. Именно поэтому либеральные рецепты, действенные в странах сердцевины, не работают в странах периферии или вообще отбрасывают их назад.

Во всей этой конструкции примечательна роль полупериферии. Государства полупериферии сочетают в себе два качества. Их экономика в той или иной степени периферийна. Однако государство достаточно крепко для того,

¹³ В одной из своих работ автор провел анализ статей, верифицирующих принципы либерализма. См.: Тимофеев И.Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО-Университета. — 2008. — № 3.

¹⁴ Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической мирсистемы: концептуальная основа сравнительного анализа / Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 23–25.

¹⁵ Ibid. — С. 40–41.

чтобы осуществлять «модернизацию сверху», а также использовать свою политическую мощь в торге с сердцевиной и ставить своей целью войти в нее¹⁶. Для мирового порядка эта категория крайне важна потому, что ее представляют крупные развивающиеся государства, чья политическая роль в международных делах просто не может игнорироваться. Страны БРИКС — наиболее яркие представители современной полупериферии.

Сердцевина, периферия и полупериферия находятся в состоянии динамического равновесия. Как только это равновесие нарушается, мировой порядок переживает кризис. И. Валлерстайн определяет его как такое состояние мир-системы, в котором кумулятивный набор противоречий делает невозможным ее пребывание в прежнем виде и требует перехода в иное качество¹⁷. Тот факт, что сердцевина сегодня все чаще использует военную силу для решения проблем на периферии, по мнению И. Валлерстайна, является одним из признаков такого кризиса.

Наконец, следует отметить еще одну влиятельную теорию. А именно неореализм Кеннета Уолтса, в котором нормативные принципы консерватизма и реализма были поставлены на системно-структурную основу. Именно К. Уолтс адаптировал политико-философское ядро реализма к требованиям современной эмпирической политологии. В итоге получилась качественно новая теория, которая оперировала реалистскими категориями, но приобрела новый объяснительный аппарат, используя понятия системного анализа. В Советском Союзе, а потом и в России этот подход также получил серьезное развитие. Со своей спецификой он развивался школами Марка Хрусталева, Евгения Примакова, Алексея Богатурова и других отечественных международников.

Используя категории системного анализа, К. Уолтс раскрывает ключевой тезис реализма о незначимости связи между внешней и внутренней политикой. Внешнюю политику следует изучать, исходя из влияния системы международных отношений на государство. Изменение системы меняет условия и рамки внешней политики, а следовательно, меняет и внешнюю политику отдельных государств. Расшифровка внешней политики государства должна вестись через понимание структурных особенностей мирового порядка¹⁸. Здесь К. Уолтс продолжает последовательную консервативную критику либерализма и его стремления объяснить внешнюю политику через внутреннее устройство государства.

Следующий важный шаг — понимание системы международных отношений как политической системы. К. Уолтс намеренно дистанцируется от марксистов, критикуя их за объяснение международной политики неполитическими факторами (экономикой и разделением труда). Что же делает мировой порядок именно политической системой? Конечно, сила и влияние как основные критерии, задающие его иерархию. Причем сила имеет вполне конкретное определение — это способность государства обеспечить свою безопасность и реализовать свои интересы. Понятно, что в такой интерпретации речь идет преимущественно о военной силе. Но за ней кроются и экономические па-

¹⁶ Ibid. — С. 43–44.

¹⁷ Валлерстайн И. Типология кризисов в мир-системе / Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 109.

¹⁸ Waltz Kenneth. Theory of International Politics. — Long Grove: Waveland Press, 2010. — P. 17–40.

раметры — эффективный военный организм требует развитой экономики. Иными словами, различные параметры силы, как правило, взаимосвязаны: крупные государства обладают значительной военной мощью, сильны экономически, могут позволить себе проецировать силу различными невоенными способами¹⁹.

Наконец, важно и то, что реально сильных государств в системе немного. Она состоит из множества слабых и всего лишь нескольких сильных. Сильные игроки образуют полюса международной системы, делая ее либо однополярной, либо биполярной, либо многополярной. Чем больше полюсов в системе, тем она менее стабильна, тем выше уровень неопределенности в отношениях между полюсами, тем в большей степени она будет анархичной и тем с большей вероятностью мировой порядок будет претерпевать изменения²⁰.

Это важный тезис, который предупреждает о рисках многополярности. В российском политическом дискурсе принято воспринимать многополярность как благо. Действительно, такая система дает большой дипломатический маневр и теоретически является более демократичной. Обратная сторона — риск обострения противоречий между полюсами и более сложный процесс поиска компромиссов.

Подчеркнем, что полюса определяются именно в терминах военной мощи, а также технологического и экономического оснований, которые ее обеспечивают. Возникает вопрос: неужели К. Уолтс не видел растущей взаимозависимости между современными государствами? Как можно было оперировать старомодными терминами вроде «баланса сил» в то время, когда на повестку дня выходят концепции глобализации, международную общественность будоражат глобальные проблемы, а в фокусе внимания оказываются негосударственные игроки — крупные ТНК, экологические организации и т.п. Казалось бы, глобализирующийся и все более взаимозависимый мир должен был сделать неореализм маргинальной теорией. Но К. Уолтс довольно последовательно упреждает эту критику.

Действительно, мир стоит как минимум перед четырьмя глобальными проблемами — перенаселения, бедности, загрязнения окружающей среды, распространения ОМУ. Несомненно, проявление этих проблем в одних странах,

¹⁹ Ibid. — P. 128.

Интересно, что баланс сил для К. Уолтса — динамическая характеристика. Достижение и сохранение баланса можно уподобить равновесному состоянию. Оно может быть нарушено, когда, например, появляются претенденты на изменение статус-кво. В этом случае система будет переживать неустойчивое состояние или, выражаясь языком теории сложности, динамический хаос. Однако в итоге государства все равно будут пытаться искать устойчивого состояния, то есть баланса сил.

²⁰ Уолтс использует экономические понятия для иллюстрации этого тезиса. В совершенной конкуренции много игроков. Они невелики и зависят от рыночной конъюнктуры. Они не могут повлиять на нее, равно как и на массу своих конкурентов. В олигополии же при наличии нескольких сильных игроков каждый может существенно повлиять на конъюнктуру и, что более важно, на других игроков, оглядываясь на их действия. В таких системах проще установить равновесие, ведь крупная фирма имеет больше шансов выжить, новичкам труднее пробиться в систему, сокращаются издержки по торгу, увеличиваются рыночные ниши оставшихся игроков, им проще договориться, отношения между ними носят более определенный характер, а их действия менее хаотичны. Однако олигополия не должна подменяться монополией, в которой заложены условия для стагнации и будущего отставания. Здесь чувствуется влияние на Уолтса современной ему экономической мысли, а также дискурса об антимонопольном законодательстве США. Тем не менее Уолтс делает две важные оговорки: стабильность является целью далеко не всех игроков; фирме погибнуть гораздо легче, чем государству (Ibid. — P. 133–137).

затрагивает другие²¹. Однако это вовсе не порождает желание государств помогать друг другу. Взаимозависимость следует понимать в терминах общей уязвимости, а не готовности сообща решать проблемы.

Понятие взаимозависимости К. Уолтс трактует в противовес либерализму и марксизму, которые интерпретируют его скорее в экономическом ключе, хотя и с разными акцентами (либералы — с акцентом на преимуществах торговли, марксисты — с акцентом на издержках неравенства). К. Уолтс соглашается с тем, что для взаимозависимости ключевой проблемой является именно неравенство. Но его следует понимать в политических, а не в экономических категориях, то есть в терминах мощи. Взаимозависимыми могут быть те государства, которые относительно равны друг другу. Если же они не равны, то взаимозависимость оборачивается зависимостью одних от других. Именно поэтому взаимозависимость снижается по мере того, как количество держав в системе сокращается, — большая часть государств становится зависимой от малого числа центров силы. Таким образом, К. Уолтс разводит понятия взаимозависимости и зависимости и рассматривает их в терминах безопасности (стратегической взаимозависимости), а не торговли. Понятие взаимозависимости лучше заменить понятиями относительной зависимости или независимости²². В сухом остатке — неореализм весьма убедительно опрокидывает либеральный тезис о взаимозависимости, возвращая на повестку дня вопрос об анархии и ставя «конец истории» в версии Ф. Фукуямы под большой вопрос.

Мы обозначили некоторые теоретические подходы, которые можно использовать для изучения современного мирового порядка. Понятно, что данными теориями и авторами не исчерпывается набор имеющихся подходов. Однако были выбраны теории, которые (а) имеют тесную привязку к базовым нормативным политическим теориям (либерализм, марксизм, консерватизм), (б) оперируют системно-структурными категориями и (в) могут быть проверены эмпирически. Именно поэтому не был упомянут, например, конструктивизм — он дистанцируется как от нормативной теории, так и от системно-структурного видения. Его эмпирическая верификация возможна на уровне агента, а не структуры. Это делает его пригодным для изучения представлений о мировом порядке отдельных агентов (например, политических лидеров государств), но вряд ли позволяет изучать мировой порядок как таковой. Это отдельная исследовательская программа.

Также намеренно не была упомянута широкая гамма цивилизационных тео-

²¹ Ibid. — P. 139.

²² Ibid. — P. 139–145.

Хотя он и не игнорирует вопросы экономики. Возвращаясь к дихотомии иерархия–анархия, Уолтс указывает на то, что внутри государства наблюдается более высокая специализация акторов. На международной арене самих игроков меньше и уровень их специализации ниже. То есть для взаимозависимости нужна высокая интеграция системы. Если же интеграция невысока, то взаимозависимость (или зависимость) оборачивается уязвимостью, что показал, по мнению Уолтса, нефтяной кризис 1973 г. Конечно, США становятся все более зависимыми от импорта, в т.ч. от ввоза нефти. То есть Америка становится более зависимой и уязвимой. Однако в случае необходимости США вполне могут позволить себе отказаться от этого импорта, изменив поставщиков или используя собственные ресурсы. Это будет недешево, нанесет ущерб, но США все-таки имеют возможность такого выбора, тогда как многие другие страны — нет. Именно поэтому, даже будучи зависимыми от ввоза нефти, США менее зависимы от таких поставок, нежели другие страны. Другие страны зависят от США больше, чем США зависят от них. Кстати, то же можно было сказать и о Советском Союзе (Ibid. — P. 151–160). А значит, один из ключевых результатов холодной войны — потеря Россией относительной независимости от других стран, усиление ее зависимости.

рий, в которых разработки Самуэля Хантингтона заняли в свое время заметную роль. Причина проста. Цивилизационная идентичность — предмет манипуляций и конструирования, которое осуществляет все то же государство. Либо это силы, которые хотят разрушить конкретное государство и создать на его месте новое. Этот простой тезис делает цивилизационную теорию для международных отношений отчасти лишней сущностью. Вполне достаточным оказывается модернистский аппарат политической теории. Понятно, что развитие цивилизационной теории разворачивалось на фоне более глубокой дискуссии о кризисе проекта современности в целом и государства модерна в частности. Победа инстинктов — «почвы» и «крови» — над рациональной машиной современного массового государства и экономики действительно выводила бы цивилизационную теорию на первый план. Подобную угрозу «постмодерна» обозначили задолго до С. Хантингтона такие авторы, как Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Г. Вернадский и другие. Но тот факт, что современное государство и капитализм пока продолжают удерживать свои рубежи, «переваривая» цивилизационные и прочие идентичности, делает использование цивилизационной теории для объяснения мирового порядка преждевременным. Конечно, это не означает, что международники и страновики должны отказаться от изучения цивилизационного фактора. Происходящие сейчас процессы, например, в Ираке говорят об обратном. Но важно не переоценивать его самостоятельную роль как системообразующего фактора мирового порядка.

В следующем разделе рассмотрим современный мировой порядок сквозь призму конкретных количественных данных — международной статистики, отражающей положение государств в современном мире. Используя эти данные, сделаем попытку понять, что собой представляет структура современного мира, какие параметры определяют эту структуру и какое значение приобретают упомянутые теоретические разработки в свете конкретных количественных данных.

2. Мировой порядок в статике: структура, система и управляющие параметры

Что же собой представляет современный мировой порядок? По каким критериям государства организуются в иерархию — каковы управляющие параметры мирового порядка? Что определяет положение государств в этой иерархии?

Для ответа на эти вопросы может быть использована методология масштабного исследовательского проекта «Политический атлас современности» (далее — «Атлас»)²³. Посмотрим на то, что представляет собой современный мир с точки зрения данной методологии, а также наметим дальнейшие шаги ее использования. Здесь важно отметить, что «Атлас» выполнен на материалах статистики 2006–2007 гг. То есть это моментальный фотоснимок мирового порядка времен мюнхенской речи Владимира Путина. Тектонические движения вроде «арабской весны» еще не начались. Тем более интересно оперировать этими данными, потому как текущая картина является гораздо менее стабильной и устойчивой во времени. 2007 г. для нашего анализа мирового порядка — это то же, чем для историков России являлся 1913 г., предкризисный год пиковых достижений старой мировой «общественно-экономической формации». Уже в 2008 г. грянет мировой экономический кризис, и мир начнет стремительно меняться. Для нас важно зафиксировать эту предкризисную картину, чтобы, отталкиваясь от нее, переходить уже к изучению текущих трансформаций мирового порядка, определив его управляющие параметры.

2.1. Управляющие параметры мирового порядка

Исходное положение «Атласа» состоит в том, что жизнь современных государств и образуемой ими системы международных отношений определяется набором нескольких управляющих параметров. Иными словами, мировой порядок многомерен, его нельзя сводить к какой-то одной сфере, будь то сила, политический режим или развитие. Понятно, что на практике управляющих параметров множество и весь их комплекс недоступен человеческому познанию. Поэтому необходимо выстроить модели, которые давали бы пусть упрощенную, но функциональную картину мирового порядка, позволяли бы понимать его специфику. В модели «Атласа» таких управляющих параметров было выделено пять.

Во-первых, таким параметром является государственность. Если ключевым элементом мирового порядка все еще является государство, то важно понимать, какие государства являются таковыми в большей, а какие в меньшей степени. Иными словами, как отличаются современные государства с точки зрения суверенитета — способности осуществлять свои функции на опреде-

²³ Мельвилль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности. — М.: Изд-во МГИМО (У) МИД РФ, 2007.

ленной территории. В теории международных отношений этому управляющему параметру уделяется незаслуженно мало внимания. Разве что неомарксизм И. Валлерстайна показывает, насколько важна роль эффективного государства в способности страны занять место в сердцевине мирсистемы. Реалисты традиционно обходили вопрос стороной, а либералы уводили дискуссию в сторону политического режима. Но, как показывает практика, наличие демократических институтов далеко не гарантирует эффективности выполнения принятых ими решений и реальной самостоятельности государства. Обратиться к этому параметру нас побудили также и серьезные прецеденты кризисов современных государств — СССР и Югославии, а впоследствии Грузии и Украины.

Во-вторых, каждое государство характеризуется определенным уровнем развития, выражаемым в терминах качества жизни. В конечном итоге благосостояние граждан является базовым приоритетом едва ли не любой страны. В политической теории этот вопрос традиционно в большей степени освещался либералами и марксистами. Для первых благосостояние граждан рассматривалось в качестве мотивации заниматься торговлей вместо войны. Для вторых — как один из индикаторов положения страны в мирсистеме. У реалистов это второстепенная составляющая мощи государства.

В-третьих, это спектр внешних и внутренних угроз, с которыми вынуждено сталкиваться государство. Их наличие или отсутствие может как ускорить, так и затормозить развитие государства. В структуре мирового порядка могут выделяться страны, кумулятивный набор угроз которых низок или, наоборот, высок. Это делает угрозы важным самостоятельным параметром: две демократии с разным уровнем угроз, очевидно, будут вести себя на международной арене по-разному (можно сравнить Швейцарию и Израиль). Теория МО, как правило, обходит этот вопрос стороной. Разве что конструктивизм дает возможность объяснить политику государства сквозь призму субъективного представления его лидеров об угрозах. Но это ничего не дает нам для понимания мирового порядка и его структуры.

Два последующих управляющих параметра вполне соответствуют теории международных отношений.

В-четвертых, речь идет о политическом режиме государства, а точнее, о его институциональных основах. Несмотря на спорность либерального постулата о том, что демократии не воюют, страны мира можно уверенно разделить на демократии (полиархии) и автократии, а саму категорию политического режима рассматривать как параметр мирового порядка. Это важно также и потому, что переходы к демократии и последующие откаты от нее стали заметной частью международной жизни. Нет нужды говорить о том, какое внимание уделяется политическому режиму либералами и марксистами.

Наконец, в-пятых, речь собственно о мощи или потенциале международного влияния. Это основная категория реализма. По понятным причинам ее нельзя игнорировать в анализе мирового порядка, хотя вопросом остается то, насколько значима сила в структурировании и иерархизации современных государств. Важно также и то, что силу следует рассматривать как состоящую сразу из нескольких элементов. Это и военная сила, и экономический потенциал, и «мягкая сила».

2.2. Параметры мирового порядка: операционализация

Возникает вопрос: а как операционализировать эти управляющие параметры? Как перевести их на язык конкретных переменных, то есть перевести с уровня теоретизирования на уровень анализа? Подход «Атласа» подразумевал операционализацию данных параметров в виде количественных индексов, каждый из которых складывался из определенных количественных параметров. Всего в базе данных проекта чуть более 50 таких параметров для 191 страны мира. Последнее крайне важно потому, что статистический анализ дает возможность дать наглядные, конкретные и проверяемые результаты. Эти параметры подробно описаны в «Атласе», поэтому рассмотрим их предельно кратко.

Индекс государственности образуется такими параметрами, как возраст суверенной государственности страны, ее внутренняя целостность (наличие, интенсивность и территориальный масштаб внутренних конфликтов, этническая фрагментированность), ее экономический и технологический суверенитет (внешний долг, доля внешней помощи в ВНД, соотношение патентов резидентов и нерезидентов, режим привязки национальной валюты), наличие на территории иностранных военных в той или иной форме (например, в виде военных баз).

Индекс качества жизни составляют ВВП на душу населения, охват населения образовательной системой, ожидаемая продолжительность жизни, показатели смертности от различных причин. Данный индекс близок по своей композиции индексу человеческого развития ПРООН и тесно коррелирован с ним.

Индекс внешних и внутренних угроз охватывает наличие или отсутствие у государства гуманитарных угроз (недоедание, снабжение питьевой водой, эпидемии), экономические угрозы (несбалансированный экспорт, хроническое отрицательное сальдо торгового баланса, зависимость от импорта энергоносителей), внутривнутриполитические угрозы (прецеденты государственных переворотов или их попыток, легальный и нелегальный сепаратизм, терроризм), внешнеполитические угрозы (территориальные претензии и неурегулированные споры, угроза внешней агрессии), демографические угрозы (депопуляция, избыточная миграция).

Индекс институциональных основ демократии включает в себя наличие и степень электоральной конкуренции (на выборах законодательной и исполнительной власти), длительность существования конкурентных выборов, включенность и участие граждан в электоральный процесс, влияние парламента на исполнительную власть, прецеденты нарушения конституционного порядка (перевороты и их попытки) и др.

Наконец, индекс потенциала международного влияния состоит из переменных военной мощи (расходы на оборону, численность регулярной армии, наличие ядерного оружия, наличие современной военной авиации, наличие военных контингентов и баз за рубежом), экономической мощи (доля в мировом ВВП и мировом экспорте, членство в Парижском клубе кредиторов), демографической мощи (доля населения от общемировой), а также определяется весом в ключевых международных организациях

(членство и доля голосов в МВФ, наличие места в СБ ООН, доля в финансировании ООН).

Индексы были рассчитаны методом дискриминантного анализа, а полученные значения подвергнуты факторному анализу. Факторный анализ позволил получить некоррелированные («чистые») параметры, на основе которых можно было смоделировать мировой порядок. На выходе получились четыре таких параметра, или четыре главные компоненты. Их содержание заслуживает особого внимания²⁴.

2.3. Структура и система мирового порядка

Первая компонента условно может быть названа компонентой развития. Она образуется оппозицией двух индексов — качества жизни и внешних и внутренних угроз. Расчеты «Атласа» показали, что более половины стран мира (55,4%) и их положение в мировом порядке могут быть описаны в терминах развития, то есть соотношения качества жизни, с одной стороны, и уровня национальных угроз — с другой (таблица 1).

На практике это означает, что современный мировой порядок формируется двумя большими группами стран. Первую группу составляют страны, добившиеся высокого качества жизни и испытывающие небольшое количество угроз. Вторую же, наоборот, страны с низким качеством жизни, испытывающие значительное число угроз самого разного плана.

Вторая компонента условно может быть названа компонентой политического порядка. Она структурирует около четверти стран мира (26,4%). В ее основе — оппозиция индексов государственности и институциональных основ демократии. То есть положение этих стран в мировом порядке может быть описано соотношением их государственности и характера политического режима. Выделяются страны, в которых государственность развивается в ущерб демократии, и страны, в которых демократия развивается в ущерб государственности.

На практике это означает наличие двух больших групп стран. Первые считаются достаточно суверенными, но ценой суверенитета является подавление демократических институтов. Вторые имеют демократические институты, но их суверенитет сомнителен — они делегируют его более сильным игрокам.

Уже эти две компоненты дают интересную проекцию мирового порядка, которая представлена на графике 1. Ось X представляет компонента 1, а ось Y — компонента 2. Слева мы видим страны с высоким или очень высоким уровнем жизни и относительно низким уровнем угроз (в их числе, например, страны ЕС), тогда как справа — страны со средним или низким качеством жизни и высоким уровнем угроз (в их числе немало стран Африки южнее Сахары, ряд стран Южной и Центральной Азии). Сверху — страны, в которых наличие демократических институтов и процедур сочетается с относительно низкой государственностью (в их числе как государства-карлики, так и некоторые переходные демократии), сни-

²⁴ Обоснование индексов, переменных и методик расчетов подробно описано в вышеупомянутой монографии (Ibid. — С. 67–161).

Таблица 1. Процент дисперсии стран, объясняемой главными компонентами

Компонента	Процент объяснения	Кумулятивный процент
1 (развитие)	55,4	55,4
2 (политический порядок)	26,4	81,8
3 (человеческая цена государственности)	11,2	93,0
4 (мощь)	7,0	100

зу — страны, в которых демократия принесена в жертву крепкой государственности (заметны страны Ближнего Востока и Северной Африки, Иран, Казахстан и др.).

Интерпретацию этой картины мира в свое время предложили Андрей Мельвиль, Михаил Ильин и Юрий Полунин. Движение справа налево, то есть переход из неразвитой периферии в развитую сердцевину, возможен двумя путями. Либо это путь сильной государственности без оглядки на качество режима (движение нижним путем). Либо делегирование своего суверенитета более сильным и выстраивание демократии (движение верхним путем).

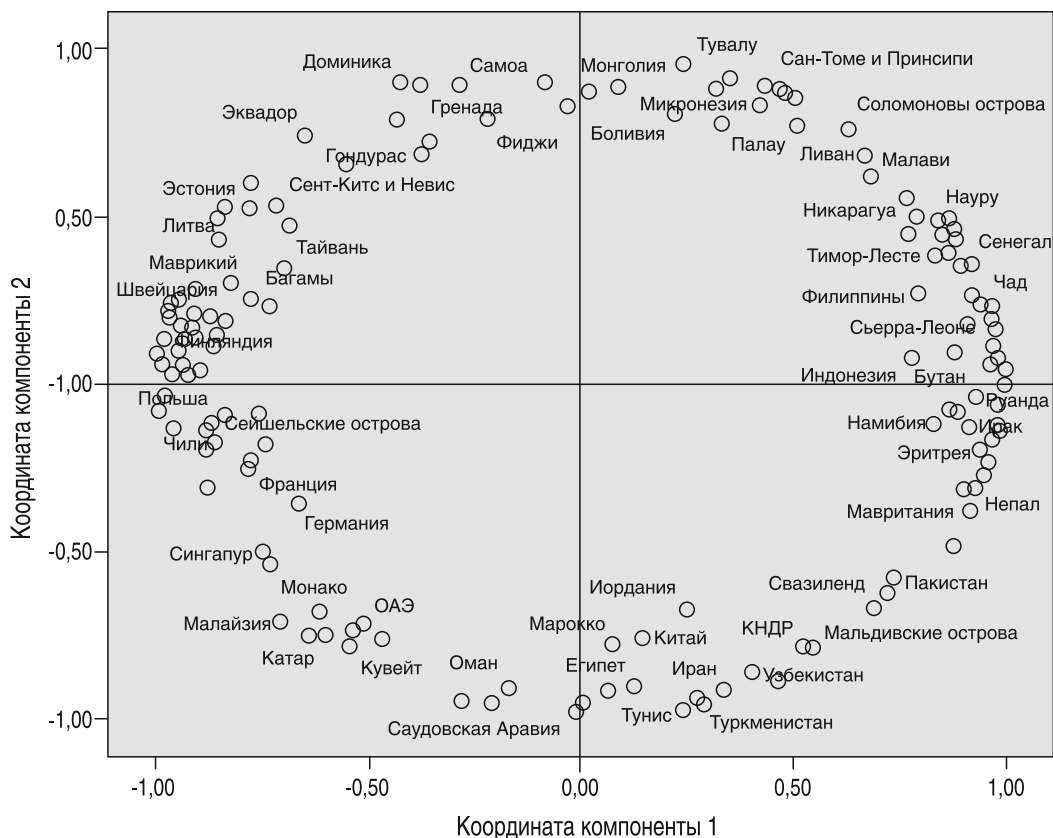

График 1. Страны мира в пространстве компонент развития и политического порядка

В сухом остатке компоненты 1 и 2 дают нам картину мира, которая на уровне теории предлагается нам марксизмом и либерализмом. Однако она гораздо более выпукло выделяет факторы государственности и национальных угроз, делает теоретическую картину более полной и адекватной текущим реалиям.

В этом же ключе можно интерпретировать и третью компоненту, которая образуется оппозицией индекса государственности и индекса качества жизни. Речь идет о странах, которые в своем развитии жертвуют либо качеством жизни в ущерб крепкой государственности, либо наоборот. Таких стран совсем немного — компонента объясняет чуть более 11% стран. В их числе латиноамериканские примеры — Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Перу.

Возникает закономерный вопрос: а где в этой картине мирового порядка великие державы? Какое место в нем занимают крупные центры силы? И, собственно, где место России? Наш анализ показал, что оставшаяся четвертая компонента характеризует лишь небольшое число стран (всего 7%). С формальной точки зрения эту компоненту вообще можно было бы проигнорировать, если бы не одно «но». Те самые 7% состоят из крупных мировых держав, а ключевым индексом данной компоненты является индекс

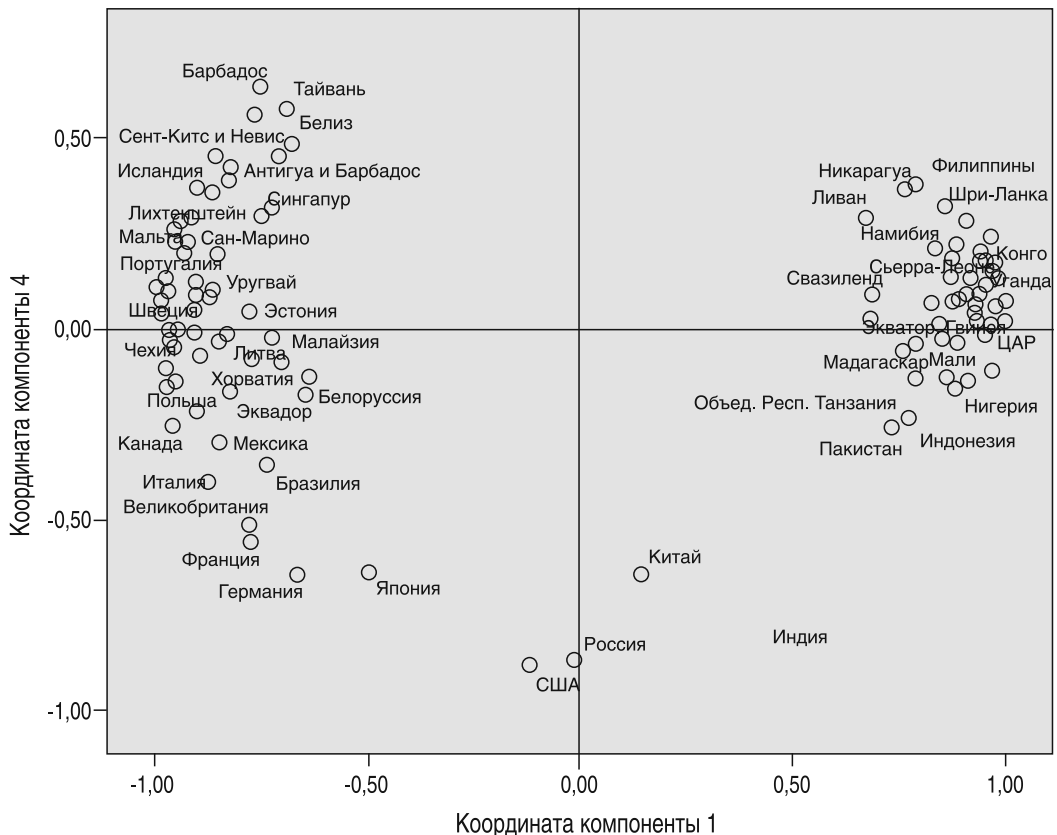

График 2. Страны в пространстве компоненты развития и компоненты мощи

потенциала международного влияния. Иными словами, данная компонента подсвечивает тот узкий круг влиятельных игроков, образующих мировой порядок в его консервативном видении, то есть с точки зрения силы и мощи.

Посмотрим, что представлял собой предкризисный мировой порядок образца 2007 г., если посмотреть на него как на комбинацию первой и четвертой компонент, то есть компоненты развития и компоненты мощи. График 2 показывает нам картину мирового порядка, образуемую тремя полюсами. Правая и левая части нам уже знакомы: слева — страны с относительно высоким качеством жизни и низким уровнем угроз, справа — страны с относительно низким качеством жизни и высоким уровнем угроз. Снизу — центры мирового влияния.

Среди них можно выделить несколько интересных кластеров. Первый просматривается в левом нижнем углу. Это центры силы и державы, обладающие высоким уровнем развития — низкими угрозами и высоким качеством жизни. Здесь мы видим Германию, Японию, Францию, Великобританию. Чуть выше — Италию, Бразилию, Мексику, Канаду. Второй — в правом нижнем углу: это мощные державы с еще не решенными проблемами развития, относительно низким качеством жизни и высоким уровнем угроз. Здесь бросятся в глаза Индия, Пакистан, Индонезия.

Наконец, отдельный кластер образуют США, Россия и Китай. Эти три страны принципиально не похожи на остальные. Для каждой из них потенциал международного влияния является наиболее выпуклой чертой. Конечно, это не снимает для них с повестки дня вопросы развития, государственности или демократии. Просто в сравнении с другими признаками именно мощь характеризует их наиболее ярко. Для России это важно по двум причинам. Специфика нашей страны состоит в том, что нам вряд ли удастся снять с себя роль глобального игрока. Несмотря на текущие проблемы, мы слишком велики, чтобы оставаться в стороне. Однако это чревато и проблемами — ценой глобальной ответственности может стать внутреннее развитие, изъяны которого подорвут и наш международный потенциал. Урок СССР должен быть хорошо усвоен российскими элитами.

Иными словами, мы получили картину мирового порядка, в котором подавляющее большинство стран структурируется с точки зрения проблем развития, состояния режима и государственности, внешних и внутренних угроз. Однако эту картину «венчает» узкий набор принципиально иных стран, для которых мощь является основным мерилем их положения в структуре международных отношений²⁵.

Начиная с 2007 г. мир уже пережил целый ряд чувствительных катаклизмов экономического и политического характера. Эти катаклизмы неизбежно приведут к изменению положения государств в структуре мирового порядка. Но его базовая структура скорее всего останется неизменной: большинство стран будет структурироваться с точки зрения развития, а подавляющее меньшинство — с точки зрения мощи. Таблица 2 показывает, как отдельные страны мира описывает каждая из четырех главных компонент. Чем больше значение компоненты у страны, тем более ярко она характеризуется данной компонентой. Например, Австралия и Ангола имеют высокие значения в компоненте 1.

²⁵ Ibid. — С. 183–202.

Это значит, что место и первой, и второй в мировом порядке определяется в терминах развития. В случае Австралии — высокого, в случае Анголы — низкого.

Новый моментальный фотоснимок мирового порядка образца 2014–2015 гг. — обязательная часть реализации программы исследования мирового порядка. Методология «Атласа» вполне пригодна для решения данной задачи. Она же позволит дать результаты, сопоставимые с картиной 2007 г.

Несмотря на важность этой задачи, мы все-таки получим картину мира в статике. Что же представляет собой его динамика и как изучать ее?

Таблица 2. Проценты объяснений стран главными компонентами

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Австралия	98,4	0,7	0,8	0,1
Австрия	98,1	0,4	0,2	1,3
Азербайджан	92,7	0,4	0,9	6,0
Албания	37,7	25,2	34,7	2,5
Алжир	21,6	77,3	0,3	0,7
Ангола	76,5	22,9	0,0	0,6
Андорра	92,1	2,4	0,4	5,0
Антигуа и Барбуда	67,7	9,5	5,3	17,5
Аргентина	81,2	0,2	18,1	0,5
Армения	0,0	75,4	20,7	3,8
Афганистан	85,3	13,4	1,3	0,0
Багамы	59,9	6,7	1,6	31,9
Бангладеш	80,6	12,5	6,3	0,6
Барбадос	56,8	0,8	1,8	40,6
Бахрейн	37,6	45,3	12,9	4,2
Белиз	46,3	22,5	7,4	23,8
Белоруссия	40,3	56,5	1,5	1,6
Бельгия	96,5	0,4	2,1	1,1
Бенин	99,3	0,0	0,7	0,0
Болгария	82,4	8,7	4,4	4,5
Боливия	4,8	65,7	22,3	7,2
Босния и Герцеговина	12,6	52,1	30,8	4,5
Ботсвана	21,0	23,7	52,4	2,9
Бразилия	55,0	3,0	29,2	12,8
Бруней–Даруссалам	28,4	53,2	11,3	7,2
Буркина–Фасо	99,3	0,3	0,0	0,4
Бурунди	93,8	3,7	2,5	0,0
Бутан	85,9	0,2	10,9	3,0
БЮР Македония	0,1	68,7	31,1	0,1

Продолжение табл. 2.

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Вануату	22,1	77,6	0,0	0,2
Великобритания	61,3	6,3	5,9	26,6
Венгрия	93,2	3,5	3,1	0,2
Венесуэла	1,7	39,5	55,2	3,6
Вьетнам	8,4	90,7	0,0	0,8
Габон	21,9	57,3	11,7	9,0
Гаити	96,1	0,8	0,0	3,1
Гайана	25,1	73,4	0,5	1,0
Гамбия	94,2	0,9	2,7	2,2
Гана	28,6	20,0	40,5	10,9
Гватемала	11,8	1,3	84,8	2,2
Гвинея–Бисау	78,3	20,1	1,5	0,1
Гвинея	81,3	15,1	1,1	2,6
Германия	44,7	12,6	1,5	41,1
Гондурас	13,9	47,4	36,7	2,0
Гренада	14,0	79,4	4,9	1,7
Греция	88,0	0,4	2,6	9,0
Грузия	76,0	0,6	20,1	3,3
Дания	94,9	3,7	0,3	1,1
Демократическая Республика Конго	93,1	2,7	4,2	0,0
Джибути	84,8	13,7	1,3	0,2
Доминика	17,9	81,6	0,4	0,1
Доминиканская Республика	33,7	0,6	63,3	2,4
Египет	1,6	81,7	16,3	0,3
Замбия	58,6	30,9	10,3	0,3
Зимбабве	78,2	0,6	16,5	4,7
Израиль	33,5	29,4	18,1	19,0
Индия	19,1	5,2	2,2	73,5
Индонезия	60,8	0,7	33,2	5,3
Иордания	6,2	45,2	48,5	0,1
Ирак	97,5	0,3	0,0	2,2
Иран	11,5	82,8	5,6	0,1
Ирландия	89,2	1,1	1,3	8,4
Исландия	83,0	2,3	1,2	13,5
Испания	96,2	1,3	1,7	0,8
Италия	78,0	3,7	2,3	15,9

Продолжение табл. 2.

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Йемен	35,7	38,4	20,1	5,7
Кабо-Верде	12,6	82,8	2,4	2,3
Казахстан	7,9	89,4	1,0	1,7
Камбоджа	84,8	7,1	6,6	1,5
Камерун	94,2	1,2	3,4	1,3
Канада	92,3	0,1	0,9	6,6
Катар	35,8	56,9	3,9	3,4
Кения	61,7	7,4	29,1	1,8
Кипр	74,7	1,5	10,9	12,9
Кирибати	23,0	76,2	0,6	0,2
Китай	2,0	56,6	0,0	41,4
КНДР	27,3	61,4	0,0	11,3
Колумбия	1,6	3,0	81,8	13,6
Коморские Острова	31,1	25,3	27,7	15,9
Конго	94,7	2,4	0,3	2,5
Коста-Рика	75,3	4,1	16,7	3,9
Кот-д'Ивуар	75,1	22,4	0,8	1,7
Куба	4,4	90,1	0,6	4,9
Кувейт	29,6	60,7	5,2	4,5
Кыргызстан	76,2	0,8	20,9	2,0
Лаос	87,4	9,3	0,0	3,2
Латвия	73,1	24,5	2,2	0,1
Лесото	67,8	14,8	16,9	0,6
Либерия	79,7	19,3	0,2	0,8
Ливан	44,8	46,1	0,5	8,6
Ливия	0,0	94,7	1,0	4,3
Литва	69,7	28,0	2,3	0,0
Лихтенштейн	91,0	1,6	0,7	6,7
Люксембург	69,2	0,8	14,6	15,3
Маврикий	83,1	8,7	7,9	0,3
Мавритания	81,9	10,0	7,2	0,9
Мадагаскар	62,4	24,3	13,2	0,2
Малави	46,8	38,2	14,9	0,1
Малайзия	49,4	49,9	0,0	0,7
Мали	73,6	25,0	1,3	0,1
Мальдивские Острова	30,2	62,1	0,3	7,4
Мальта	89,5	6,6	0,0	3,9

Продолжение табл. 2.

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Марокко	0,5	59,7	37,6	2,2
Маршалловы Острова	9,9	78,9	5,9	5,3
Мексика	72,4	2,1	16,4	9,1
Микронезия	17,3	70,6	10,6	1,4
Мозамбик	90,5	4,2	5,3	0,0
Монако	53,3	29,1	7,6	10,1
Монголия	0,8	78,4	19,9	0,9
Мьянма	52,1	39,2	6,0	2,7
Намибия	69,7	1,3	24,6	4,4
Науру	70,4	23,8	5,7	0,0
Непал	86,0	8,8	2,0	3,1
Нигер	77,7	18,6	3,1	0,6
Нигерия	77,8	0,8	19,1	2,3
Нидерланды	96,3	0,4	0,8	2,4
Никарагуа	59,0	20,0	7,5	13,5
Новая Зеландия	86,9	2,1	5,7	5,3
Норвегия	88,6	3,2	4,0	4,2
ОАЭ	26,2	51,4	17,7	4,8
Объединенная Республика Танзания	82,2	3,2	12,7	1,9
Оман	3,0	82,7	2,8	11,5
Пакистан	54,2	33,6	5,8	6,4
Палау	11,6	60,1	27,3	1,0
Панама	82,9	4,7	11,6	0,8
Папуа — Новая Гвинея	25,4	59,2	12,3	3,1
Парагвай	30,1	2,7	64,2	3,0
Перу	1,0	0,1	81,3	17,6
Польша	91,5	0,1	6,5	1,8
Португалия	96,5	0,1	1,9	1,6
Республика Корея	76,5	9,3	13,2	0,9
Республика Молдова	0,7	81,0	5,0	13,3
Россия	0,0	22,2	2,2	75,6
Руанда	99,1	0,2	0,0	0,7
Румыния	69,3	3,6	24,3	2,7
Сальвадор	20,8	1,5	44,3	33,3
Самоа	8,0	79,7	10,6	1,7
Сан-Марино	84,0	0,1	7,3	8,6
Сан-Томе и Принсипи	19,2	80,1	0,2	0,6

Продолжение табл. 2.

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Саудовская Аравия	0,0	90,6	0,5	8,9
Свазиленд	47,7	43,8	7,7	0,8
Сейшельские Острова	73,8	2,9	2,9	20,4
Сенегал	86,8	12,8	0,0	0,4
Сент-Винсент и Гренадины	30,2	43,3	14,8	11,6
Сент-Китс и Невис	51,2	28,4	0,1	20,4
Сент-Люсия	72,8	18,6	5,3	3,3
Сербия и Черногория	18,6	62,9	3,5	15,1
Сингапур	56,3	24,6	9,9	9,1
Сирия	5,8	94,2	0,0	0,0
Словакия	93,9	5,9	0,1	0,1
Словения	83,1	8,1	7,4	1,5
Соломоновы Острова	39,7	58,8	1,2	0,3
Сомали	84,2	14,2	0,5	1,1
Судан	83,9	13,2	1,2	1,6
Суринам	53,0	5,6	41,3	0,1
США	1,4	14,4	5,8	78,5
Сьерра-Леоне	92,6	5,4	0,5	1,4
Таджикистан	87,5	3,8	4,6	4,2
Таиланд	84,3	1,7	6,1	7,9
Тайвань	48,4	12,1	5,8	33,7
Тимор-Леште	71,6	20,4	8,0	0,0
Того	88,1	6,4	4,6	0,9
Тонга	0,1	29,6	69,4	1,0
Тринидад и Тобаго	83,1	3,1	13,8	0,0
Тувалу	6,0	90,5	0,1	3,5
Тунис	0,4	83,9	0,2	15,4
Туркменистан	7,7	87,7	1,6	3,0
Турция	3,7	19,0	44,5	32,8
Уганда	91,2	5,3	0,5	3,0
Узбекистан	16,5	73,5	9,2	0,8
Украина	26,4	39,8	0,1	33,6
Уругвай	77,4	1,9	20,1	0,6
Фиджи	4,8	63,0	29,2	3,0
Филиппины	62,7	7,2	15,8	14,3
Финляндия	96,3	1,8	0,1	1,9
Франция	61,0	5,4	2,2	31,4

Продолжение табл. 2.

Страна	Развитие	Политический порядок	Человеческая цена государственности	Мощь
Хорватия	60,1	35,8	3,4	0,7
ЦАР	93,0	5,9	1,1	0,0
Чад	88,7	5,6	5,6	0,0
Чехия	90,9	6,7	2,4	0,0
Чили	74,7	1,4	20,9	3,1
Швейцария	95,0	4,5	0,5	0,0
Швеция	98,6	0,8	0,0	0,5
Шри-Ланка	74,5	15,6	0,0	9,9
Эквадор	41,6	55,2	0,4	2,9
Экваториальная Гвинея	96,1	1,5	2,1	0,3
Эритрея	89,1	7,5	2,5	0,8
Эстония	60,9	27,4	11,6	0,2
Эфиопия	95,0	2,8	0,5	1,7
Южная Африка	39,3	3,3	50,7	6,6
Ямайка	35,0	1,6	63,0	0,5
Япония	24,5	31,8	3,2	40,5

3. Динамика мирового порядка

«Атлас» позволяет выявить структурные особенности и управляющие параметры мирового порядка. Но он не дает нам представлений о его динамике. Между тем существующая конструкция может оказаться устойчивой в одном динамическом режиме и разрушиться в другом. Следовательно, понимание того, в каком режиме динамики мировой порядок или его отдельные элементы находятся в настоящее время, представляет собой серьезный прогностический инструмент.

Для ответа на этот вопрос мы попробуем представить динамику мирового порядка как нелинейный процесс. Под нелинейностью понимаются сложные, труднопредсказуемые и трудноуправляемые процессы. Такое определение вполне достаточно для публицистики и эссеистики, но оно ничего не дает для серьезного анализа. Поэтому мы дадим более строгое определение.

3.1. «Волки и зайцы»: проблема дефицита ресурсов

Нелинейность предполагает непропорциональность результатов и затрачиваемых на них усилий. В одних случаях воздействие может быть очень сильным, но дать слабый результат. В других — даже влияние случайности или, казалось бы, незначимых факторов приводит к лавинообразным и катастрофическим последствиям. В политике и во многих других социальных процессах подобная непропорциональность определяется ограниченностью ресурсов — любой политический процесс разворачивается в условиях ограниченной ресурсной ниши²⁶. Речь о самом широком наборе ресурсов — от кадров до финансов и технологий.

Иными словами, нелинейный процесс определяется двумя характеристиками: (а) интенсивностью процесса, или, грубо говоря, соотношением прилагаемых усилий и получаемых результатов, и (б) состоянием ресурсной ниши — давлением ресурсных ограничений в текущий момент времени. Эти две составляющие тесно взаимосвязаны. Возрастающая интенсивность процесса предполагает ситуацию, когда рост усилий не приводит к росту результатов из-за сокращающихся ресурсов.

Модель «хищник–жертва» — хрестоматийный пример нелинейного процесса²⁷. Есть волки, и есть зайцы. До тех пор пока зайцев много, волкам не нужно прилагать большие усилия для их отлова. Им также не нужно конкурировать друг с другом за добычу, ведь ее много. Популяция зайцев — это ресурсная ниша для волков, их добыча. Но вот наступает момент, когда волков становится слишком много, а воспроизводство зайцев не поспевает за воспроизводством волков. Теперь волкам приходится предпринимать гораздо большие усилия для поиска зайцев. И эти усилия приносят гораздо

²⁶ Подробнее см.: Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы. — М.: Изд-во МГИМО (У) МИД РФ, 2009. URL: <http://www.mgimo.ru/files/126379/0bba60a2c7dfe8f9a4dc362a48c5a1c0.pdf>

²⁷ В частности, речь о модели Лотки—Вольтерра.

более скромный результат, чем раньше. Сокращение ресурсов приводит и к конкуренции между самими волками за добычу.

Рано или поздно этот порядок отношений хищника и жертвы постигнет кризис, и он трансформируется в иное качество. Либо волки найдут себе новых жертв, то есть расширят свою ресурсную нишу. Либо они начнут уничтожать друг друга до тех пор, пока их сокращающееся количество не позволит зайцам снова воспроизводиться. Это тоже способ решения проблемы ресурсных ограничений. Хотя для волков более кровавый и деструктивный. Причем его кровавость будет усиливаться фактором задержки, который свойственен любой социальной или экологической системе, — понимание того, что можно не уничтожать друг друга, потому что ресурсов опять достаточно, придет далеко не сразу. То есть задержка приведет к тому, что конкуренция и ее деструктивные последствия будут гораздо большими, чем это необходимо. В этом тоже проявление нелинейности процесса в условиях ограниченной ресурсной ниши. Такой сценарий вообще может зайти слишком далеко: волки погибают в процессе конкуренции или же уничтожают всех зайцев. В этом случае им останется либо искать новую добычу (ресурсную нишу), либо погибнуть от голода.

На языке политики сокращение ресурсов обостряет конкуренцию за них и ведет к дестабилизации существующего порядка. Подобная дестабилизация приводит к его качественным изменениям (бифуркациям), в которых либо появляются новые ресурсные ниши, либо из игры выбывают конкуренты, а их ресурсы достаются победителям. Кстати, модель «хищник–жертва» широко используется в науке для моделирования политических и социальных процессов. Это, например, отношения государства и налогоплательщиков, мафии и бизнеса, фирмы и покупателей и т.п.

Международные процессы также являются нелинейными. Очевидно, что они развиваются в условиях ресурсных ограничений, а государства прилагают усилия для того, чтобы получить свою долю ограниченных ресурсов. При этом ресурсы неизбежно сокращаются. И чем в большей степени ощущается их дефицит, тем более интенсивно меняется мировой порядок. Можно сказать, что давление ресурсного дефицита толкает систему международных отношений к анархии, а их достаток дает возможность сотрудничества и выстраивания порядка в том или ином виде.

У государств есть два решения проблемы дефицита. Либо внедрять новые технологии, позволяющие расширить ресурсную нишу. Либо сокращать количество претендентов на ресурсы в уже имеющейся ресурсной нише. Но второе решение в любом случае будет тактическим, ведь оно фундаментально не решает проблемы пределов роста. Рано или поздно острота конкуренции все равно вынудит искать новые ресурсы. Такой процесс поиска, как правило, и представляет собой радикальные смены мирового порядка. Понятно, что государства вряд ли согласятся добровольно отчуждать свою долю ресурсов или уступать свое место в мировом порядке во имя «светлого будущего». Поэтому смена мирового порядка, как правило, характеризуется крупными потрясениями мирового масштаба — войнами, революциями, распадом одних государств и созданием на их месте других.

3.2. Процесс Ферхюльста — модель динамики мирового порядка

Интенсивность процесса и его ресурсные ограничения — две характеристики нелинейной динамики мирового порядка. Удобным математическим выражением подобного процесса является модель Ферхюльста. Пьер Ферхюльст (1804–1849) — бельгийский математик, смоделировавший динамику экологических ниш в первой половине XIX века. Так же как и модель «хищник–жертва», модель Ферхюльста использовалась для анализа самого широкого круга социальных процессов. В России большая заслуга в использовании различных нелинейных моделей принадлежит ученым Института прикладной математики РАН²⁸, а применение модели Ферхюльста к международным процессам осуществил в МГИМО МИД России Юрий Полуни²⁹. В США интересные примеры нелинейного моделирования политических процессов были опубликованы, например, в монографии под редакцией Даяны Ричардс из Мичиганского университета³⁰.

Данную модель можно использовать для анализа изменений определенного статистического показателя, отражающего ту или иную составляющую мирового порядка. В предыдущем разделе мы выделили два важных управляющих параметра — развитие и мощь. Первый можно представить в виде изменения индекса человеческого развития ООН, а второй — в виде изменения военных расходов крупных держав. Мы попробуем применить модель Ферхюльста к анализу изменения двух этих параметров и дать на этой основе характеристику изменений современного мирового порядка. Понятно, что этими двумя переменными не исчерпывается весь набор параметров. Но даже их анализ может дать нам представление о специфике изменений, происходящих сегодня на международной арене.

Модель процесса Ферхюльста можно представить в следующем виде:

$$X_{n+1} = X_n + A X_n (K - X_n),$$

где X_{n+1} представляет собой значение процесса на определенном цикле (например, оборонные расходы США в 2013 г.);

X_n представляет собой значение процесса на предыдущем цикле (например, оборонные расходы США в 2012 г.);

A — коэффициент интенсивности процесса;

K — коэффициент ресурсных ограничений.

A и K рассчитываются на основе значений процесса на трех циклах. Например, чтобы рассчитать интенсивность процесса изменений оборонных расходов США и ограничения этого процесса в 2013 г., нам понадобятся данные по оборонным расходам за 2013, 2012 и 2011 гг.

Теперь введем еще одно важное понятие — режим динамики, или так называемый аттрактор процесса. Аттрактор меняется в зависимости от нормиро-

²⁸ См., например: Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование мирсистемы. — М.: Комкнига, 2007; Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза // Вестник РАН. — 2001. — Т. 71. — № 3.

²⁹ См.: Полуни Ю.А., Тимофеев И.Н. Указ. соч.

³⁰ Rychards Diana (ed). Political Complexity. Nonlinear Models of Politics. — An Arbor: The University of Michigan Press, 2003.

ванного коэффициента интенсивности (назовем его « a »). Выделяются три режима динамики, — соответственно, процессы низкой, средней и высокой интенсивности. В литературе они обозначаются как точечный аттрактор, циклический аттрактор и странный (хаотичный) аттрактор.

Точечный аттрактор представляет собой процесс, который графически можно описать S-образной кривой. Ему соответствуют значения интенсивности (« a ») от 0 до 2. Из всех типов процесса он наиболее предсказуем. Соответственно, и для стабильности международных отношений он представляет наименьшую угрозу.

Дальнейший рост интенсивности приводит к качественному изменению процесса. Он становится принципиально другим — точечный аттрактор сменяется циклическим. Этот процесс уже менее стабилен, хотя его значения колеблются в определенном диапазоне, что делает его относительно предсказуемым. Ему соответствуют значения « a » от 2 до 2,57.

Наконец, последующий рост интенсивности приводит к хаотизации процесса (значение « a » от 2,57 и выше). Он характеризуется высокой волатильностью, а его последующие значения трудно прогнозируемы. Для международных отношений именно он является наиболее опасным, порождая высокий уровень неопределенности и необходимость принимать решения в самые сжатые сроки.

Коэффициент K не менее важен. Здесь необходимо оговориться, что ресурсные ограничения являются «мягкими». Иными словами, значение процесса может выходить за пределы существующих ограничений. Например, государство на данном этапе может позволить себе определенный уровень военных расходов. Но оно может выйти за пределы существующих ограничений: мобилизовать ресурсы, внедрить новые технологии, привлечь кредиты или внешнюю помощь и т.п. Грубо говоря, прыгнуть выше головы. Любой выход за пределы ограничений — серьезный вызов, за который придется «платить» на следующих временных циклах. Если прыжок выше головы был искусственным и для роста не были созданы адекватные условия, то на следующих циклах последует спад (например, прекращение военной помощи приведет к падению военного бюджета). Если же такие условия были созданы, то ресурсная ниша будет расширена (например, внедрены новые технологии, которые позволяют привлекать большие ресурсы на оборону). Чем сильнее прыжок выше головы, тем сильнее риск, тем большей может быть последующая «расплата», но и тем большими могут быть новые ресурсные возможности.

Это состояние назовем процессом с выходом за пределы ограничений. Он характеризуется отрицательным значением интенсивности ($a < 0$) и значением процесса, большим, нежели значение ограничений ($X_n > K$). Для удобства нормируем значение процесса коэффициентом ω ($\omega = X_n / K$). При $\omega < 1$, процесс развивается в пределах ресурсной ниши. При $\omega > 1$ процесс выходит за пределы ресурсной ниши³¹.

Процесс с выходом за пределы ограничений — чрезвычайно распространенный сценарий. В терминах развития он порождает новые возможности для роста, хотя и чреват «мыльными пузырями». А вот в терминах мощи он

³¹ Интерпретации коэффициентов и их значений подробнее см.: Полуин Ю.А., Тимофеев И.Н. Указ. соч.

порождает риски для системы международных отношений. Взаимное наращивание мощи, выражаемое, например, в оборонных расходах, вполне может повысить неопределенность и обострить дилемму безопасности. Это сценарий гонки вооружений. Угроза «расплаты» за непомерно раздутые военные расходы может стать причиной развязывания войны. Как сказали бы либералы и марксисты, политической элите проще развязать войну, нежели отвечать перед гражданами своих стран за падение показателей. Понятно, что чем выше интенсивность выхода за пределы ограничений, тем выше риски.

3.3. Динамика мирового порядка: параметр развития

Посмотрим на динамику индекса человеческого развития ООН. По сути, он отражает динамику мирового порядка с точки зрения параметра развития. Возьмем данные начиная с 1980 г. и проследим с помощью модели процесса Ферхюльста их развитие до 2010 г. с шагом в 10 лет. В первую очередь посмотрим на динамику стран с очень высоким уровнем развития, высоким уровнем развития, средним уровнем развития и низким уровнем развития (по классификации ООН).

В таблицах 3, 4, 5 и 6 представлены соответствующие данные, а также коэффициенты интенсивности процесса и его ресурсных ограничений. О чем говорят эти данные?

Прежде всего они говорят о том, что к 2010 г., с точки зрения развития, динамика мирового порядка отличается низкой интенсивностью и высокими ресурсными возможностями. Для стабильности мирового порядка это очень хороший знак. Все четыре группы стран отличает поступательный рост, причем во всех случаях режим динамики сходен. Это значит, что сердцевина, полупериферия и периферия тесно взаимосвязаны и развиваются более или менее синхронно. Дистанция между ними практически не сокращается. Но, по крайней мере, нет признаков того, что развитие сердцевины осуществляется в ущерб периферии.

Страны с очень высоким уровнем развития к 2000 г. развивались в режиме роста без ограничений. Они сумели выйти за пределы существующих ограничений, «прыгнуть выше головы» ($a < 1$, $\omega > 1$). При этом прыжок был вполне «аккуратным», без потрясений, в режиме низкой интенсивности — значение « a » очень невелико. К 2010 г. их динамика характеризовалась уже точечным аттрактором, процессом низкой интенсивности, освоением ранее расширенной ресурсной ниши.

В остальных трех группах данный процесс запаздывает на одно десятилетие. К 2010 г. он характеризуется выходом за пределы ограничений и, если не произойдет политических потрясений, к 2020 г. выйдет в режим низкой интенсивности. Только четвертая группа стран (с низким уровнем развития) испытывает риски «расплаты» за рост без ограничений — здесь интенсивность данного роста выше в сравнении с группами высокого и среднего развития ($a = -0,824$ для четвертой группы, $-0,391$ для второй группы и $-0,1$ для третьей группы при $\omega > 1$ во всех трех случаях).

Таблица 3. Динамика индекса человеческого развития ООН группы стран с очень высоким уровнем развития (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,757				
1990	0,798				
2000	0,849	0,529	-0,238	-0,126	1,604
2010	0,885	0,950	0,422	0,400	0,932

Таблица 4. Динамика индекса человеческого развития ООН группы стран с высоким уровнем развития (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,534				
1990	0,593				
2000	0,643	0,783	0,444	0,347	0,821
2010	0,723	0,488	-0,802	-0,391	1,482

Таблица 5. Динамика индекса человеческого развития ООН группы стран со средним уровнем развития (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,420				
1990	0,474				
2000	0,528	0,894	0,271	0,242	0,591
2010	0,601	0,221	-0,451	-0,100	2,717

Таблица 6. Динамика индекса человеческого развития ООН группы стран с низким уровнем развития (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,345				
1990	0,367				
2000	0,403	0,304	-1,560	-0,475	1,325
2010	0,479	0,328	-2,514	-0,824	1,460

На деле, конечно, все оказывается не столь гладким. Дело в том, что поступательное развитие качества жизни может породить неоднозначные политические последствия. Индекс человеческого развития ООН отражает такие переменные, как ВВП на душу населения, охват населения образованием и продолжительность жизни. Рост этих стандартов в ряде случаев может просто-напросто не поспевать за политическим развитием отдельных государств. А это в свою очередь порождает вероятность революционных изменений.

Именно этот процесс мы видим на примере стран «арабской весны». Если посмотреть на динамику человеческого развития арабских стран, то в терминах модели Ферхюльста она будет вполне благоприятной. Таблица 7 показывает нам, что с 1980 по 2010 г. эти страны сделали значительный шаг вперед, причем к 2000 г. у них была весьма большая ресурсная ниша для дальнейшего развития, а к 2010 г. эта ниша стала еще большей. Сам процесс развивался в режиме точечного аттрактора, то есть характеризовался низкой интенсивностью ($a = 0,212$ в 2000 г. и $a = 0,147$ в 2010 г.).

Таблицы 8, 9 и 10 показывают, что к 2010 г. динамика Египта, Ливии и Туниса соответствовала этому тренду, хотя и характеризовалась несколько большей интенсивностью. В Сирии же (таблица 11) шел процесс выхода за пределы ограничений, но его интенсивность была невысокой, что тоже не давало тревожных сигналов.

По всей видимости, во всех четырех случаях подобный рост пришел в противоречие с состоянием политической системы. Двигателем революций в упомянутых странах выступали вовсе не угнетенные маргиналы. Это была весьма образованная и «продвинутая» молодежь, сама численность которой в структуре населения была к тому времени уже значительной — результаты успеха образовательной политики и борьбы со смертностью.

Теперь вспомним результаты построения нашей картины мирового порядка, обозначенной в предыдущем разделе. Мы говорили о значительной группе стран, место в мировом порядке которых характеризуется конфликтом государственности и демократии — развития одного в ущерб другого. Все страны «арабской весны» характеризуются именно этим признаком.

Пример стран «арабской весны» — еще одно свидетельство нелинейности политических процессов. В странах, которые в «Атласе» описывались компонентой развития, поступательный рост качества жизни сыграл положительную роль. Напротив, в целом ряде стран, в которых государственность развивалась в ущерб демократии, рост качества жизни привел к внутривнутриполитическим взрывам. На данных 2020 г. будет интересно посмотреть результаты этого процесса. С большой вероятностью они повысят его интенсивность, приведут к стагнации и сокращению ресурсной базы для роста.

Таким образом, в глобальном масштабе мы наблюдаем вполне благоприятную динамику мирового порядка с точки зрения экономического и человеческого развития. По крайней мере, она показывает отсутствие явного антагонизма между сердцевинной и периферией. Хотя локально положительная социально-экономическая динамика приводит к перегреву государственных систем, неспособных поспеть за требованиями все более развитого и образованного населения. Страны «арабской весны» являются иллюстративным примером.

Таблица 7. Динамика индекса человеческого развития ООН арабских стран (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,492				
1990	0,551				
2000	0,611	1,134	0,187	0,212	0,539
2010	0,675	2,127	0,069	0,147	0,317

Таблица 8. Динамика индекса человеческого развития ООН Египта (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,452				
1990	0,546				
2000	0,621	0,729	0,751	0,547	0,852
2010	0,678	0,772	0,608	0,469	0,878

Таблица 9. Динамика индекса человеческого развития ООН Ливии (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,641				
1990	0,684				
2000	0,745	0,510	-0,514	-0,262	1,459
2010	0,799	1,010	0,274	0,276	0,791

Таблица 10. Динамика индекса человеческого развития ООН Туниса (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,484				
1990	0,567				
2000	0,653	1,202	0,239	0,287	0,543
2010	0,715	0,797	0,660	0,526	0,897

Таблица 11. Динамика индекса человеческого развития ООН Сирии (1980–2010 гг.)

Год	ИЧР ООН	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1980	0,528				
1990	0,570				
2000	0,605	0,712	0,432	0,308	0,850
2010	0,662	0,505	-0,937	-0,473	1,312

Что же может быть угрозой мировому порядку? Его «элитарное» меньшинство — клуб великих держав? Напомним, что эти государства характеризуются принципиально иной логикой, которую следует понимать в терминах мощи, а не только и не столько развития. Посмотрим на динамику их показателей мощи с точки зрения процессов Ферхюльста.

3.4. Динамика мирового порядка: параметр мощи

В качестве одного из параметров мощи проанализируем динамику военных расходов наиболее влиятельных мировых держав. Как и в случае ИЧР ООН, оборонные расходы не являются единственной переменной мощи. Однако опыт «Атласа» показал, что в объяснении различий между мощными и слабыми странами именно параметр военных расходов является наиболее весомым. Иными словами, страны, имеющие значительные военные расходы с большой вероятностью будут иметь и другие высокие параметры мощи — экономической, технологической и т.п. Мы используем данные СИПРИ³² с шагом в четыре года. Это даст нам возможность исключить конъюнктурные «шумы», которые неизбежно появляются на годовых циклах.

В 2009 г. на фоне мирового финансового кризиса, был проведен аналогичный анализ военных расходов великих держав³³. Гипотеза состояла в том, что предвестником крупного вооруженного конфликта является одновременное наращивание державами своих военных расходов с высокой интенсивностью и/или с выходом за пределы ресурсных ограничений. Анализ подтвердил эту гипотезу на примерах предвоенной динамики накануне Первой и Второй мировых войн. Общим войнам предшествовал интенсивный одновременный рост военных расходов у всех крупных игроков. Динамика СССР и США в период холодной войны также подтвердила гипотезу — обе стороны постоянно наращивали свои военные расходы, но за все сорок лет противостояния практически не было случая одновременных хаотичных скачков. При всем антагонизме, две стороны были относительно предсказуемы друг для друга.

По состоянию на 2009 г. можно было выделить ряд тревожных признаков (рост оборонных расходов США, Китая, Индии и России). Немаловажной также являлась резкая асимметрия распределения мощи в пользу США. Но в глобальном масштабе рост все-таки не был всеобъемлющим. Например, Германия, Франция и Япония сокращали свои оборонные расходы. Неясным оставалось то, какую стратегию выберут державы в условиях мирового финансового кризиса — разгон экономики за счет вливаний в оборонную сферу или, наоборот, экономию на военных расходах. Появившиеся данные за 2013 г. дают нам возможность ответить на этот вопрос.

Прежде всего следует выделить страны, которые ответили на кризис сокращением военных расходов. В их числе, например, США и Великобритания. Для них также характерен еще один признак — снижение расходов в 1990-е и их существенный рост в 2000-е. Специфика этого процесса важна для понимания

³² База данных по военным расходам стран мира Стокгольмского института исследования мира опубликована на: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database

³³ См.: Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Пóлис. — 2009. — № 4.

того, насколько долговременным и глубоким может быть снижение расходов.

В случае США (таблица 12) мы видим интенсивный рост без ограничений на циклах 1997–2001–2005 гг. ($a = -16,62$ при $\omega > 1$). К 2009 г. этот рост замедляется. Он приблизился к границам имевшихся на тот момент у США ресурсных ограничений ($\omega = 0,957$), хотя до конца и не исчерпал их. В последующие четыре года мы наблюдаем снижение военных расходов. Однако у этого снижения есть очень важное следствие. Оно позволило США расширить имеющуюся ресурсную нишу. На цикле 2013 г. $\omega = 0,941$. Кроме того, увеличилась интенсивность процесса ($a = 1,771$). В модели Ферхюльста он отображается графиком с затухающими колебаниями.

На практике это означает, что к 2017 г. следует ожидать увеличения оборонного бюджета США. Вопрос в том, насколько силен будет этот прыжок вверх.

Динамика оборонных расходов Великобритании (таблица 13) имеет много сходств с американской. Снижение в 1990–е, последующий рост в 2000–е. Небольшое отличие в том, что к 2013 г. ресурсная ниша для последующего роста у Великобритании меньше, чем у США.

Франция, Германия и Япония (таблицы 14, 15, 16) отличаются незначительными колебаниями военных расходов. Ни Германия, ни Франция так и не довели свои военные расходы до уровня начала 1990–х (США и Великобритания превысили их). Военные расходы Японии также отличались небольшими изменениями, а на циклах 2005–2013 гг. вообще характеризовались небольшим снижением.

Таблица 12. Динамика военных расходов США (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	463 504				
1997	387 258				
2001	397 334	397 670,834	0,000	0,994	0,999
2005	579 831	386 652,935	0,000	-16,627	1,500
2009	701 048	732 287,935	0,000	1,004	0,957
2013	618 681	657 434,258	0,000	1,771	0,941

Таблица 13. Динамика военных расходов Великобритании (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (K)	Расчетная интенсивность процесса (A)	Нормированная интенсивность процесса (a)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	53 042				
1997	46 578				
2001	49 941	48 982,891	0,000	1,471	1,020
2005	58 150	43 943,662	0,000	-1,204	1,323
2009	64 297	72 942,028	0,000	0,521	0,881
2013	56 231	60 961,039	0,000	2,292	0,922

Таблица 14. Динамика военных расходов Франции (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	67 991				
1997	63 617				
2001	61 576	59 265,624	0,000	0,437	1,039
2005	65 123	62 886,892	0,000	2,763	1,036
2009	69 426	37 457,068	0,000	-0,089	1,853
2013	62 272	66 804,177	0,000	2,626	0,932

Таблица 15. Динамика военных расходов Германии (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	57 985				
1997	50 255				
2001	49 783	49 669,122	0,000	0,796	1,002
2005	46 983	50 349,619	0,000	-4,998	0,933
2009	49 046	48 210,580	0,000	1,724	1,017
2013	49 297	49 318,163	0,000	0,927	1,000

Таблица 16. Динамика военных расходов Японии (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	54 607				
1997	56 988				
2001	60 250	46 994,438	0,000	-0,269	1,282
2005	61 288	61 654,543	0,000	0,756	0,994
2009	59 735	60 670,106	0,000	2,488	0,985
2013	59 431	59 344,711	0,000	0,774	1,001

Принципиально иная картина у Китая (таблица 17). Здесь мы видим последовательное интенсивное наращивание военных расходов на всем протяжении 1990–х и 2000–х. За 20 лет показатель КНР вырос в 7 раз. Страна вышла на второе место в мире, хотя и с заметным отставанием от США. Только к 2013 г. стали заметными замедление роста и стагнация. К 2017 г. вполне можно прогнозировать дальнейший рост, хотя вероятно, что он будет еще более медленным. Более же высокие темпы потребуют расширения ресурсной ниши.

Динамика Индии (таблица 18) по своему режиму близка китайской. Здесь мы также видим последовательный рост. Хотя на последнем цикле (2013 г.) стагнация гораздо сильнее в сравнении с Китаем. Кроме того, по объему военных расходов Индия уступает Китаю более чем втрое (49 млрд долл. в це–

нах 2011 г. у Индии против 171 млрд долл. у Китая по состоянию на 2013 г.). Дальнейший рост также потребует от Индии расширения ресурсной ниши.

Наконец, интересна динамика России (таблица 19). Она сходна с динамикой западных стран на начальных этапах. После холодной войны наши военные расходы снижаются, а в 2000–х гг. происходит разворот на рост. Причем рост начинается позже, чем в США или Великобритании. Но российская динамика отличается от западной применительно к последнему циклу. На фоне мирового финансового кризиса оборонные расходы продолжают расти. К 2017 г. этот процесс с большой вероятностью будет продолжаться, причем для него уже есть весьма большая ресурсная ниша ($\omega = 0,596$).

Таблица 17. Динамика военных расходов Китая (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	23 454				
1997	26 335				
2001	45 422	22 866,083	0,000	-4,778	1,986
2005	71 496	118 108,979	0,000	0,933	0,605
2009	128 734	-20 648,783	0,000	0,179	-6,234
2013	171 381	169 138,765	0,000	1,387	1,013

Таблица 18. Динамика военных расходов Индии (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	18 956				
1997	22 102				
2001	28 616	14 901,047	0,000	-0,610	1,920
2005	36 054	77 269,769	0,000	0,413	0,467
2009	48 963	8912,737	0,000	-0,118	5,494
2013	49 091	49 057,946	0,000	1,351	1,001

Таблица 19. Динамика военных расходов России (1993–2013 гг.)

Год	Военные расходы (млн долл. в ценах 2011 г.)	Расчетное ограничение процесса (К)	Расчетная интенсивность процесса (А)	Нормированная интенсивность процесса (а)	Нормированное значение процесса (ω)
1993	54 400				
1997	34 900				
2001	33 700	32 831,055	0,000	0,546	1,026
2005	46 446	34 799,999	0,000	11,966	1,335
2009	64 504	-422 123,004	0,000	0,350	-0,153
2013	84 864	142 416,894	0,000	0,577	0,596

Основной риск следующих четырех лет состоит в том, что такие крупные державы, как США, Китай, Индия, Россия и Великобритания, вполне могут начать или продолжить наращивать военные расходы. Если в этот процесс будут вовлечены по тем или иным причинам еще и Германия, Франция и Япония, то мы окажемся близко к опасной тенденции одновременного интенсивного наращивания державами своих потенциалов. Мировые потрясения уровня Первой и Второй мировых войн разворачивались именно на фоне подобной динамики. Задача дипломатии состоит в том, чтобы избежать данного сценария. Тем более что на уровне параметров социально-экономического развития мировой порядок пока сохраняет устойчивость. Нет смысла играть с огнем, когда ресурсный пирог еще достаточно велик.

Заключение. Будущее России в мировом порядке: консервативная внешняя политика?

Картина современного мирового порядка может показаться парадоксальной. С одной стороны, мы наблюдаем вполне устойчивую динамику с точки зрения социально-экономического развития. Иными словами, пока нет жесткого дефицита ресурсов, за которые следовало бы вести крупномасштабные конфликты и перестраивать существующий порядок насильственным путем. С другой стороны, в мире имеется несколько мощных держав, чьи политические отношения и политика в области безопасности сами по себе могут расшатать и перевернуть мировой порядок. Россия — среди этих держав.

Важно понимать, что в числе великих держав наше положение является сегодня достаточно уязвимым. Имея большие политические ресурсы, мы ограниченно конвертируем их в развитие. Наш глобальный вес весьма условно связан с нашими возможностями решать собственные социально-экономические проблемы. Иными словами, успехи России на международной арене далеко не гарантируют ее социально-экономическое развитие.

Украинский кризис наглядно иллюстрирует ситуацию. Россия заняла жесткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас очевидно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако наши оппоненты будут отвечать нам не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допустить Россию к глобальным источникам роста и развития. Причем давление будет мощным и консолидированным. А Россия остается в этой игре без надежных союзников. Ограничение доступа к ресурсам глобализации — плата за самостоятельную и при этом жесткую внешнюю политику. В текущих условиях Россия не сможет отстаивать свои политические амбиции и при этом сохранять в прежнем объеме доступ к источникам развития глобального мира. В этой ситуации просматриваются два неблагоприятных сценария.

Первый — жесткая конфронтация с Западом, рост консолидированного давления на Россию как в сфере безопасности, так и в сфере экономики, ее маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В этом сценарии России выстоять будет крайне сложно. Второй сценарий — значительные уступки Западу. Это тоже негативный сценарий, потому что возвращение в глобальный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития. В сухом остатке оба сценария углубляют нашу отсталость и ведут к серьезным потерям. Мировой порядок сохраняется, но уже без прежней роли России.

Естественно, что ни один из этих сценариев для нас неприемлем. В подобной ситуации именно Россия становится страной, заинтересованной в смене имеющегося миропорядка. Сложившийся расклад делает для России выгодным выстраивание глобального мира, в котором внешнеполитические оппоненты нашей страны имели бы ограниченную возможность отсечь Россию

от источников роста. Именно в этом и состоит суть нашего интереса в многополярном мире. Многополярность — это наличие нескольких источников роста и развития, а не просто сосуществования нескольких великих держав.

Очевидно, что Россия вряд ли сможет выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза у нас нет даже проекта, который мы могли бы предложить остальным странам. Между тем будущее международных отношений наверняка будет связано с конкуренцией проектов мироустройства. Такие проекты нам уже хорошо знакомы. Это либеральный западный подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. И это подход, который будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов. По своей сути это будет левый проект независимо от того, как он будет называться. С крушением Советского Союза Россия добровольно сняла с себя лидерство в этом проекте. Она не сможет вернуть его как в силу отсутствия ресурсов, так и в силу жесткого разрыва с левыми идеями как таковыми.

Кто возьмет на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. Это будет Китай. До настоящего времени китайская внешняя политика отличается осторожностью и сдержанностью, страна избегает явно заявлять о своих глобальных амбициях. Но подспудно этот процесс идет, и Китаю, так или иначе, придется предлагать миру свой проект мироустройства. В недалеком будущем мы вполне можем увидеть интересную картину. Коммунистический Китай адаптирует целый ряд элементов капиталистической экономики и инструментов демократии. Именно инструментов, а не принципов (предсказуемая и отлаженная смена верховной власти, гибкость власти на региональном уровне). А вот на международной арене он заявит о себе с точки зрения левых принципов — решения проблемы отчуждения от сердцевины к периферии, равенства в распределении ресурсов и т.п. Это будет соответствовать и его официальной идеологии, способствовать ее укреплению и легитимации через внешнюю политику.

Весь вопрос в том, будет ли Китай продолжать кооптироваться в существующую западноцентричную модель или начнет выстраивать порядок под себя. Если конфронтация России и Запада пойдет слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае мы можем попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, что мы будем в ней равноправным партнером, не приходится. Роль «старшей сестры», по всей видимости, — лучшее, на что сможет рассчитывать Россия.

Наконец, последняя альтернатива — попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках: не обострять до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. Маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития — технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т.п. По сути, это консервативная модель внешней политики. Та самая опора на здравый смысл, прагматизм и собственный потенциал мощи. Но в условиях ограниченности ресурсов России и стоящих перед ней проблем именно дипломатия, а не военная сила должна стать ключевым инструментом такой внешней политики.

Об авторе

Тимофеев Иван Николаевич – канд. полит. наук, программный директор Российского совета по международным делам.

Выпускник Санкт–Петербургского государственного университета, магистр Ланкастерского и Центрально–Европейского университетов. В 2006 г. закончил аспирантуру и защитил диссертацию в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России.

С 2006 г. преподает на кафедре политической теории МГИМО (У) МИД России. В настоящее время является доцентом кафедры.

В 2009–2011 гг. – директор Аналитического центра МГИМО (У) МИД России, ученый секретарь МГИМО (У) МИД России.

Автор более 50 научных публикаций, в том числе:

1. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 5.
2. Political Atlas of the Modern World. An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of the Modern World. Oxford: Wiley–Blackwell, 2010 (в соавторстве).
3. Международные конфликты (опыт аналитического мониторинга) / И.Н. Тимофеев и др. // Международная жизнь. – 2010. – № 7.
4. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО–Университет, 2009.
5. Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. – 2009. – № 4.
6. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения / А.Ю. Мельвиль, И.Н. Тимофеев // Полис. – 2008. – №4.
7. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО–Университета. – 2008. – № 3.

Для заметок

Российский совет по международным делам

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ИЛИ МИРОВАЯ АНАРХИЯ?

**Взгляд на современную систему
международных отношений**

Издательство «Спецкнига»

Тел. +7 (495) 744–61–79

www.specialbook.net

Верстка — О.В. Устинкова

На обложке использованы фото
REUTERS / Brendan McDermid,
REUTERS / Laurent Dubrule
и с сайта www.militaryphotos.net

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3. Тираж 500 экз.